

Александр
МОРАЛЕВИЧ

Цена 20 коп.
Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

13
(1025)

ISSN 0132-2141

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Библиотека Крокодила № 13

А. МОРАЛЕВИЧ

УДАР,
ЕЩЕ УДАР!

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

Москва
Издательство ЦК КПСС «Правда»
1987

© Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила. 1987

а музыка (или слова) — Такого-то. Потому что в данном случае автор является всего только монтажником слов в предложении, тогда как тема — донельзя народная. Подсказали ее письма в редакцию, читательские телефонные звонки и истошные телеграммы.

Речь шла о несовершенстве той системы, в зубчатые колеса которой поп-дает и перемалывается беспощадно автовладелец, по своей или сторонней вине угодивший в автоаварию.

И 22 апреля 1983 года автор утром засобирался на службу, чтобы продолжить копание в почте. А в это время к автомобилю автора марки «Нива» подошел коллега и иллюстратор автора — художник В. Шкарбан. Скатанную трубочкой, он вез редакции очередную художественную нетленность. Так, за двадцать пять лет тысячекратно наезженным маршрутом, двое сходили в редакцию и достигли кишкообразной 5-й улицы Ямского поля. Скорость была пятьдесят километров. (Случись это Первая улица Ямского поля — там асфальт как асфальт, а на Пятой — представляете сами что. Быстро тут не поехать.)

А в зоне Т-образного перекрестка стоял груженный автопоезд КамАЗ. Был этот шоссейный линкор такой громадный, что и стоял на обочине вне дорожного полотна, иначе мешал бы проезду. Ну, стоит железа — пусть себе и стоит, б^итель, должно быть, ушел по делам.

Но когда до автопоезда оставались считанные метры, — левая мигалка зажглась на нем, и с первым же миганием, окутавшись синим дымом, автопоезд с обочины под углом 90° попер налево, в боковой проезд, сразу захлопнув едущую прямо «Ниву» в безнадежный капкан. Это было настолько противу всех правил, настолько нелепо и дико, что и мысли сперва грянули не ко спасению от явления, а по ужасанию им: «Что он делает? Так не бывает! Амба!»

А автопоезд, левым рогом бампера провалив вовнутрь правую дверь «Нивы» (вместе с художником Шкарбаном) и сминая бензобак, поволок «Ниву» на опрокидывание.

И только тут пришла ясность насчет единственного шанса ко спасению: дать до предела газ и выброситься на тротуар. По счастью — прохжих на тротуаре не было.

И был даден предельно газ, сопроводившийся серией оглушительных лязгов и грохотов.

Тут настала пора сказать благодарственные слова автомобилю «Нива», его мощностным и прочностным характеристикам, благодаря чему эти строки пишутся и иллюстрируются. Автопоезд, обращаясь с «Нивой» не менее бесчеловечно, чем насильник с девицей, своим бампером находился уже в салоне. Но кургузая машинка, рванувшись, выдернула из КамАЗа всю железяку бампера и вместе с ним, сколов кусок бетона на высоком бордюрном камне, выбросилась на тротуар. «Жигули» не взяли бы такой высоты бордюра. «Жигули» отбросило бы назад, на размол множественными колесами автопоезда. А «Нива» с ее большим диа-

метром колес прыгнула, взяла высоту. Но уже при прыжке последний раз боднул ее автопоезд, отчего боком ударилось о бордюр заднее колесо, и задний мост из-под «Нивы» вылетел.

Только в этот момент, неожиданно увидев перед своим лобовым стеклом легковушку, водитель КамАЗа понял, что поворачивал не на пустой улице.

В «Ниве» кровь ни из кого не струилась, оскольчатых и прочих переломов не было, сотрясений тоже. Просто был знакомый десяткам тысяч водителей некоторой длительности шок. Затем предметы оконтурились, стал четко различим обрастающий толпой перекресток, а посреди стоял в веснушчатого раскраса рубахе водитель КамАЗа, впоследствии — Б. Авдоткин. Ничем не оглушенный, деловитый, тонко и молниеносно провернул он свинский психологический этюд. А именно: с подворья табачной фабрики «Ява» уже сбегались на грохот характерного обличья граждане с прожилчато-мраморными и из минерала чароит носами. И еще с полета прочитав околосапазушные движения руки водителя Авдоткина, прожилчатоносые закричали:

— Мы свидетели! Легковушка виновата! Белая неслась, будто черти за нею гонятся!

А тем временем владелец новенькой белой «Нивы» в первый раз (из десятков последующих) обошел машину вокруг: оборваны амортизаторы, расплющено правое заднее колесо, задний мост погнут и выбит, стойка двери сделалась лежкой двери, дверь пузырем вдавлена на сиденье, деформирован бензобак, штанга поперечной устойчивости и ее кронштейн смещены, и сколько еще тут НЕВИДИМЫХ РАЗРУШЕНИЙ!

Художник Шкарбан побежал вызывать по телефону милицию, но в облике юного рядового, хоть и не имеющего отношения к ГАИ, она уже была здесь.

— Не накапливайтесь, граждане! — сразу и энергически стал принимать меры сотрудник.—А вы, с грузовика, перепрудили всю улицу! Вон, пробки возникли со всех сторон, по тротуарам машины катят.

И, видно было по всему, уже вызрел сотрудник до команды расщепить проезжую часть. И водитель Авдоткин подступал к нему: ежели моя машина мешает, так я ее строну, освобожу проезжую часть. Дай команду, я мигом...

Ах, опыт! Он приобретает людьми в чем угодно: в написании художественных сочинений, в обработке металлов резанием, даже, хоть и с трудом, в международных футбольных встречах. Опыт не приобретает только в авариях. Потому что они, как правило, по времени отстоят очень далеко одна от другой. И еще потому, что человек вообще запрограммирован природой на безаварийность, а не на аварию.

И стронул, с удовольствием стронул бы по команде новобранца милиции свой автопоезд водитель Авдоткин — а тогда бы и концы в воду. Докажи потом, кто как стоял, кто откуда ехал! Поэтому первой запове-

дью этой повести-памятки обозначим малоизвестное водителями-любителями: НЕ УСТУПАЯ НИЧЬЕМУ НАПОРУ И НЕ ВСЕГДА ДОБРОСОВЕСТНОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ - ПОСЛЕ ДОРПРОИСШЕСТВИЯ МАШИНЫ С МЕСТА НЕ СТРАГИВАТЬ ДО ПРИБЫТИЯ ЛЮДЕЙ ИЗ ГАИ!

Так счастливо воскресилась в голове эта забытость, и воскресилась известная картина написания письма запорожцами турецкому султану. И воскресился даже далеко менее известный текст этого письма, который и был доложен новобранцу милиции, невзирая даже на то, что он в форме и невообразимо деятелен. В результате автопоезд остался на месте.

А не прошло и полутора часов, как прибыла машина ГАИ. Четыре офицера сидели в ней. Хорошо бы, конечно, записать номер этой машины, но то и беда, что человек в растрепанных аварией чувствах не способен сразу взять цепочку строгих логических действий.

— Жертв нет? — выпростался в окошечко один офицер.— Повезло, могли бы и быть. Ба, а это у какого же номера дома вас грохнуло? У семнадцатого? Это не наш квадрат!

— А чей? У вас рация в машине, сообщите тем, чей это квадрат! — погнался за убывающей желто-голубой машиной владелец «Нивы».

— Спешим и падаем! — донеслось из убывающей машины ГАИ.

Но, наверное, потом все-таки смилостивились и потревожили эфир офицеры. Через восемь минут (с опозданием почти на два часа пришла способность фиксировать время. БИТЬЕ, СТАРАЙТЕСЬ НЕ ТЕРЯТЬ ЭТУ СПОСОБНОСТЬ СРАЗУ!) прибыл худощавый и утомленный лейтенант ГАИ тутошного района. И от длительной уже срепетированности без разнобоя, как краснознаменный хор, стройно закричали чароитовые носы:

— Это белый виноват, виноват, виноват!

— Ясно, он,— подступил водитель Авдоткин.— Это виданное ли дело — легковушка выдернула бампер с КамАЗа и на себе унесла. Это как угорелому надо лететь.

— Вникнем,— сказал лейтенант.— Описываю повреждения «Нивы».

БИТЫЙ ТОВАРИЩ, ВНИМАНИЕ. КОГДА ТЕБЯ ГРОХНУТ И ТЫ УЦЕЛЕЕШЬ - СОБЕРИСЬ, СДЕЛАЙ УСИЛИЕ НАД СОБОЙ, ВПРАВЬ СЕБЕ МОЗГИ И ТРЕБУЙ ПОДРОБНОГО, НА МЕСТЕ ВНЕШЕНИЯ В ПРОТОКОЛ ВСЕХ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ. ОФИЦЕРУ УТОМИТЕЛЬНО, МУТОРНО, ХЛОПОТНО ФИКСИРОВАТЬ ВСЕ НАДТРЕСНУТОСТИ, ВМЯТИНЫ, ПОДТЕКАНИЯ, НАДРЫВЫ И РАЗРЫВЫ, НО ТРЕБУЙ. ПОТОМ БУДЕТ ПОЗДНО. ВСЯКОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ ПОТОМ ЛЮБОГО ДЕФЕКТА БУДЕТ ИСТОЛКОВАНО КАК ТВОЯ БЕССОВЕСТНАЯ И ЦИНИЧНАЯ ПОПЫТКА НАЖИТЬСЯ ЗА СЧЕТ ОТВЕТЧИКА И ГОССТРАХА.

Тут настала пора сказать светлые слова о службе буксиров «Автосер-

виса». Многие месяцы белая «Нива» — носом в землю, с вывешенным на цепях задком — мытарилась по Москве на буксире. И ни разу потерпевший не был обряван телефонными диспетчерами службы буксиров, всегда крайне оперативно прибывал желтый ЗИЛ, и подлинную сердобольность, совет и помощь имел владелец разбитого автомобиля от бывшего водителя буксира. И ни разу не затевали водители буксиров отвлеченного, с вымогательской подоплекой разговора, что работа на буксире нервная, надо всю Москву держать в голове, вплоть до улицы Ленивки, состоящей из трех домов, а как ее, красавицу и город-герой, держать в голове, если все прочие мысли из головы вытесняются мыслями о нестыковке денегат между авансом и получкой.

Не было этого, и слава тебе, тридцатимашинная московская служба буксиров. С открытой душой, товарищи потерпевшие, звоните буксирным диспетчерам. Там сидят люди.

И уже прибыл желтый ЗИЛ, уже накладывал водитель на «Ниву» вериги из цепей, а водитель автопоезда Авдоткин все еще сидел в патрульной машине ГАИ, то прикладывая руки к груди, то очерчивая ими в воздухе неизвестные натюрморты. Тут сказал художник Шкарбан, по-видавший виды в жизни и имевший тяжелое детство, что не нравится ему столь долгое сидение Авдоткина в машине ГАИ. Ведь всякое в жизни бывает. А вдруг да у лейтенанта невеста или неотразимой красоты жена, и прелъщает лейтенанта Авдоткин перспективой подарить ему полный парижский набор духов «Дом Роша», где есть флаконы не только «Мадам Роша» и «Тайна Роша», но и флаконы «Кошка Роша» плюс «Корова Роша»?

Сызнова забежим вперед, дав слово для донесения наблюдателю Шкарбану: увезли разбитую «Ниву», но еще семнадцать минут охмурял и уламывал офицера ГАИ Авдоткин. Но, видимо, на высоте оказался офицер, потому как, вылезши из патрульной машины ГАИ, плюнул в сердцах Авдоткин глобусной величины плевком и в шесть приемов растер его. Тут подступили к Авдоткину прожильчатоносые, требуя обещанной мзды за активность и лжесвидетельства. Но, как Евпатий Коловрат палицей, замахнувшись на них Авдоткин оторванным бампером — и уфырчал.

* * *

И вот ваша машина-подранок стоит возле дома. Надо энергично что-то предпринимать, как-то поступать, но как — решительно неизвестно. Все прочие жизненные ситуации, хоть самые простенькие, хоть редкостные (подавить ты костью зеленого цвета от рыбы бельдюги, найди на задворках своего микрорайона чугунок с гангутскими рублями Петра I) расписаны в тысячах содержательных руководств и памяток. И только по нашему сложнейшему вопросу нет ничегошеньки ничего. В правовом, административном, техническом плане как поступать вам, куда бежать? Неизвестно.

Тыкаясь слепым котенком иногда по году и больше, автовладелец будет вынужден постигать сам и сам же увязывать сложные юридические истины. И первое, что подскажут ему добрые люди, это НЕОБХОДИМОСТЬ СРАЗУ, ДО ИСТЕЧЕНИЯ СУТОК ПОСЛЕ АВАРИИ, МЧАТЬСЯ В РАЙОННЫЙ ГОССТРАХ, ЗАЯВЛЯТЬ О СЛУЧИВШЕМСЯ. ИНАЧЕ СТРАХОВКА - ТЮ - ТЮ.

Ах, всеоюзно ходят слухи, а многие оформились уже в уголовные приговоры, что не все чисто и бесребрено в среде госстраховских инженеров по транспорту. В стародавние годы сталкивался и автор этой повести-памятки с таким инженером: разболтался после халтурного техобслуживания сайлент-блок на машине, оторвалось колесо, и на крыше автомобиль улетел в чисто поле.

— Вот под это дело,— сказал автору инженер-страховщик,— мы поврежденный можем насчитать сколько вздумается, хоть на полную сумму страховки. Объясню: реально тут ремонта на семьсот рублей, а мы насчитаем, будто на две тысячи двести. Итого получится полторы тыщи лишку. Тыщу из них огребаете вы; пятьсот — мне. Все в прибыль! На какую сумму застрахован автомобиль?

— На пятьсот рублей,— сказал я правду.

— Вы — идиот? — опустошенно спросил страховщик.— Таким, как вы, не должно быть места в жизни. Кто же боится на этакий мизер? Теперь вы не только не заработаете на аварии тыщу, но и приплатите двести рублей.

Было то двадцать лет назад, а теперь я мчался к инженеру Ев/ампи-еву в районный Госстрах.

— Н-да,— мечтательно сказал инженер, регистрируя происшествие,— вы побегаете теперь, ах, как побегаете!

— Научите, куда сперва.

— СПЕРВА, И ПОТОМ, И ЕЩЕ МНОГО-МНОГО РАЗ ПОТОМ - В КОНСУЛЬТАЦИОННЫЙ ОТДЕЛ АВТОЦЕНТРА. СНАЧАЛА ВЫ ДОГОВОРИТЕСЬ О ДНЕ, КОГДА МОЖНО БУДЕТ ДОСТАВИТЬ ДЛЯ ОСМОТРА МАШИНУ. ПОТОМ ДОСТАВИТЕ ЕЕ. ПОТОМ СНОВА ОТБУКСИРУЕТЕ ДОМОЙ. ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ, НЕ МЕНЬШЕ, СДЕЛАЮТ КАЛЬКУЛЯЦИИ РЕМОНТА, ОНИ БУДУТ ДОЛГО ИДТИ КО МНЕ ПОЧТОЙ. ПОТОМ В КАЛЬКУЛЯЦИИ ОКАЖЕТСЯ КАКАЯ-НИБУДЬ ЗАГВОЗДКА, БЕЗ НИХ НЕ ОБХОДИТСЯ, И ВЫ МЕСЯЦАМИ НАЧНЕТЕ МЕТАТЬСЯ ПО МАРШРУТУ: Я - КОНСОТ-ДЕЛ. АХ, КАК ВЫ ПОБЕГАЕТЕ!

— Значит, надо брать отпуск?

— Отпуска не хватит,— сказал со знанием инженер Евлампиев.— Вот если бы вам удалось выйти на инвалидность...

— Но скажите, зачем же такая казуистика, изуверство? Зачем израненную машину на цепях многократно таскать по городу? Как к больному, не говоря уже о тяжелобольном, на дом является врач, почему не приехать для осмотра поврежденной к машине?

— Такая форма обслуживания не предусмотрена.

— А вы, чем же заняты вы?

— Я,— сказал инженер Евлампиев,— занят аварийным делопроизводством и осмотрами по мелочам: на крышу машины из неустановленного окна упал горшок с фуксиями, разбитие камешками дуплексов, триплексов автомобильного остекления... Ну, и все в этом роде. А что покрупнее — это уже консотдел. Такой заведен порядок. В плане борьбы со злоупотреблениями.

* * *

Если в Москве провести конкурс на самую ненавидимую населением организацию, то, конечно, с громадным отрывом победит консотдел автоцентра под водительством Антона Шелканова.

Задолго до открытия у желтых стен одноэтажного здания уже мыкалась толпа. Активисты формировали толпу в живую очередь. Поздновесенние мухи на желтой стене лениво вступали в связь и лениво распаривались.

Но близился заветный час открытия консотдела, и вскоре начали проходить в его недра полубоги, работающие тут. Прошествовал человек-гора Антон Шелканов, сопровождаемый разъяснительными шепотами многомесячных при консотделе страдальцев: «Это САМ! САМ!!!» Прошли регистраторши документов, машинистки, представитель Госстраха, инженеры-осмотрщики. И вскоре очередь истерически, но в гробовой тишине, чтобы не раздражать полубогов, ворвалась-вкралась в консотдел. Здесь бывалые вторичники и болеераззовики бросились к своим инженерам, тогда как первичники, потыкавшись, бросились на регистрацию. Но сразу заколодил регистрацию пожилой человек с четырьмя рядами орденских планок, нога — одна.

— Требую разъяснения,— голосом вьюги сказал ветеран,— чего мне тут накалькулировали. У меня была всего-то смена двух автомобильных крыльев, а мне насчитали выплат как за постанов самолетных крыльев, с выплатой по двадцати семи пунктам. Я грабить себя не дам. Я, гражданочка, не миллионер, не Пирпонт Морган-старший. Я — Струмкис-старший, электрик по троллейбусной части.

Но не получил ответа ветеран. Скажем честно — и не мог получить. Испытаным консотдельским приемом регистраторша мигом натравила на него всю остальную очередь, закричав патетически: «Граждане, я вхожу в ваше положение, вы многие со службы отпросились, чтобы прибыть сюда, у многих отпуск кончается, а этому дядьке подавай объяснения! Он, он вас задерживает! Пусть к руководству идет, руководство ему все объяснит!»

— Да! — шетинясь и обрастая резкими голосами, задвигалась очередь.— Вы, товарищ, не раздражайте эту симпатичную, эту обходительную, эту предупредительную гражданку! Недовольны — так идите к руководству, вон его кабинет.

Гадко, признаем, расчищая себе дорогу, поступила очередь с инвалидом. Ибо пуст был уже кабинет сиятельного Антона Шелканова. Чтобы укрыться от надоед в лабиринтах автоцентра, человек-гора привычно пересекал площадь. За ним, как чайки в кильватере лайнера, тонко и безнадежно крича о чем-то, клубились просители. Шансов догнать небожителя у инвалида не было.

А затем на задворки консотдела почему-то привезли битых кур и табачково-цыплячьи квисо. Ясно же, это кто-то из московских командиров пищи обеспечивал ускоренный ремонт своего автомобиля. И обходительная, предупредительная и прочее регистраторша, даже не извинившись перед очередью, просто ушла на куроцапанье, а появилась, опять же не извинившись, через четверть часа.

Но как бы то ни было, к концу дня я сдал документы. И узнал, что осмотр будет произведен недели через две, а калькуляция изготовится через месяц.

— Почему же такие сроки? — запротестовал владелец «Нивы». — Я бы начал уже теперь хлопотать о постанове машины на ремонт, **НО БЕЗ ВАШЕЙ КАЛЬКУЛЯЦИИ НИ ОДНА ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТАНЦИЯ АВТОСЕРВИСА НЕ ПРИМЕТ МАШИНУ НА РЕМОНТ!** Я настаиваю...

— Товарищи! — страдальчески сказала очереди регистраторша. — Я бы быстро приняла у вас документы, вам детишек забирать из детского сада, многие на похороны родных и близких не пошли, чтобы успеть оформиться тут, а он!!!

И, чтобы понравиться регистраторше и сыскать в дальнейшем ее милость, меня выкинули на улицу такие же бедолаги, как я. После этого пришлось стать шелковым, согласным на все, И ЗАПОЛНИТЬ ОТКРЫТКУ С ВЫЗОВОМ В КОНСОТДЕЛ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГАРАЖА, ГДЕ РАБОТАЕТ ВОДИТЕЛЬ АВДОТЬИН.

— ЭТУ ОТКРЫТКУ ВЫ ЛИЧНО ОТВЕЗЕТЕ В ТОТ ГАРАЖ И ПОТРЕБУЕТЕ РАСПИСКУ, ЧТО ВРУЧЕНА, ЧТОБЫ ГАРАЖ ПОТОМ НЕ ОТВЕРТЕЛСЯ: МЫ, МОЛ, НЕ ЗНАЛИ, НА КАКОЙ ДЕНЬ НАЗНАЧЕН ОСМОТР.

— Но почему я, потерпевший, должен с высунутым языком гонять по городу?

— А потому, что вы потерпевший.

И я снова оказался на улице, а здесь, потолкавшись в толпе бывалых, не без пользы для себя установил, что: **ВСЕ КВИТАНЦИИ ПО ОПЛАТЕ БУКСИРОВ, РАВНО КАК ВСЕ ПРОЧИЕ КВИТАНЦИИ ПО ВСЕМ ПРЕДРЕМОНТНЫМ ПЛАТЕЖАМ, НАДЛЕЖИТ СОБИРАТЬ, ЧТОБЫ ЗАТЕМ ПРЕДЪЯВИТЬ НАРОДНОМУ СУДУ ДЛЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ОТВЕТЧИКОМ УБЫТКОВ. А СУД ДОЛЖЕН ПРОИСХОДИТЬ В РАЙОНЕ, ГДЕ ЖИТЕЛЬСТВУЕТ ОТВЕТЧИК. ТУДА И СЛЕДУЕТ ОТНОСИТЬ ЗАЯВЛЕНИЕ, ДА НЕ ЛИЧНОЕ, ПОСКОЛЬКУ СУЩЕСТВУЮТ СТРОГИЕ ФОРМЫ ЗАЯВЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ ВАМ НЕВЕДОМЫ, А СОСТАВЛЕННОЕ ЮРИСТОМ В ЮРКОНСУЛЬТАЦИИ.**

СТАЛО БЫТЬ, КОГДА НАКОПАТСЯ ВСЕ ДОКУМЕНТЫ, НАДО ГНАТЬ В ЮРКОНСУЛЬТАЦИЮ, ПРОИЗВЕСТИ ОПЛАТУ ИХ УСЛУГ И УНЕСТИ ЗАЯВЛЕНИЕ В СУД.

* * *

Да, в разгар лета настал радостный день, когда буксировщик снова вздернул «Ниву» на цепи и повлек в консотдел.

— До скорой встречи, друг! — сказал я буксировщику, и он уехал. После чего во двор консотдела для осмотра «Нивы» вышли здешний представитель Госстраха и инженер Вонзаков.

— Где представители ответчика? — поискал глазами Вонзаков.

— Здесь мы! — сказали водитель Авдотин, а с ним еще кто-то. — Здесь мы, и пошли вы все... — и определил очень точно, куда нам всем надлежит пойти. И с отвращением уехал, а с ним еще кто-то.

— Он что, — спросил меня инженер Вонзаков, — ехал через всю Москву, чтобы сказать нам это? Можно было по телефону. Он что, из автобазы сумасшедшего дома?

— Нет, — ответил я. — Он из очень солидной автобазы. Значит, теперь осмотр сорвался?

Оказывается, не сорвался. Инженер Вонзаков одарил меня еще одной истиной: В СЛУЧАЕ ОТСУТСТВИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТВЕТЧИКА ОСМОТР МОЖЕТ БЫТЬ ПРОИЗВЕДЕН БЕЗ НИХ И СЧИТАЕТСЯ ЗАКОННЫМ.

— Тут заминки не будет, — сказал Вонзаков. — Заминка в другом: на каком основании вы отпустили буксир? Кто затащит ваш автомобиль на подъемник осмотра?

— Вонзаков, — со всем оставшимся в организме спокойствием сказал я ему, — вы опоздали со своим тронным выходом во двор на пятнадцать минут против назначенного. Буксиры же ждать не могут. Их график расписан поминутно. К тому же, как инженер, вы должны понимать: буксир был бы совершенно бесполезен при постанове «Нивы» на подъемник в смотровом ангаре. Я полагаю, это, хотя бы уж это, дело самого оснащенного в стране автоцентра. А если вы скажете, что это не дело автоцентра, то одно из двух: либо вы вымогаете взятку с меня, либо издеваетесь.

Тут, несколько не раскипятившись, инженер Вонзаков поступил как все консотдельцы.

— Вот, граждане, ждущие очереди ко мне, — сказал он, — я многих успел бы сегодня принять, но эта «Нива»...

И ко мне подошли пятеро.

— Друг, — сказали они, являя пример того, что во дворе консотдела, рядом со своими битыми машинами, мы совсем другие, нежели в канцелярии консотдела, — друг, — сказали собратья по несчастью, — сколько весит «Нива»? Плетью обуха не перешибешь. Здесь во всем маковка ихняя,

антоншелкановская, вонзаковская, а выбираться отсюда всем нам надо. Сколько весит «Нива»?

— Тонну сто пятьдесят.

— Погоди, тогда мы кликнем еще человек семь из очереди, отнесем машину на подъемник.

— Спасибо, ребята, — сказал я. — Как Никулин в фильме про Мухтар говорил: «Он постарается» — пусть постарается «Нива». А не сможет — тогда отнесем.

Я желаю многая лета инженеру Вонзакову. Пусть почиет он в преклонных годах, окруженный любящими домочадцами. Пусть, случись ему, не приведи бывший бог, операция — медработники-новаторы не скажут ему: «А у нас, Вонзаков, самообслуживание! Оперуемый добирается до операционного стола и вскарабкивается на него сам».

Живите долго, Вонзаков. И будьте живучи — как «Нива». Совершенно к этому негодный, тяжело изуродованный автомобиль, как преданное животное с парализованным туловищем, каждым метром движения разрушая себя — на передних лапах «Нива» проползла тридцать метров и вскинулась на подъемник.

— Ну вот, — благодостно молвил инженер Вонзаков. — Вы, гражданин Моралевич, по роду службы, должно быть, далеки от техники, вот и не знаете замечательных возможностей этого автомобиля, легкового полноприводного первенца нашей промышленности. А видите, этот автомобиль — еще о-го-го!

И состоялся осмотр, сопровождаемый барышническими восклицаниями в том смысле, что вообще малопонятно, зачем эту прекрасную машину, которой бы сейчас весело мчаться по шоссе, привезли сюда как предсмертную. (Но все-таки сразу насчитали видимых уронов на полторы тысячи рублей.)

Это ВИДИМЫХ УРОНОВ. А говорилось у нас в первой главке: СРАЗУ ПОСЛЕ АВАРИИ СОБЕРИСЬ, ОКЛЕМАЙСЯ, СО ВСЕЙ НАСТОЙЧИВОСТЬЮ ТРЕБУЙ Внесения в протокол всех повреждений, ТРЕБУЙ ВНИМАТЕЛЬНОГО ОСМОТРА МАШИНЫ.

Не оклемаюсь. Не потребовал. А оказалось, что на «Ниве» после двух жестоких ударов в бок потекло множество сальников. А первый удар был нанесен в область крепления аккумулятора, лопнул корпус, электродит вытек под капот, сожрав там краску, мастики и металл. НО ЭТОГО, РАВНО. КАК И МНОГОГО ДРУГОГО, НЕТ В ПРОТОКОЛЕ, А ПОСКОЛЬКУ НЕТ, ХОТЯ АВТОЦЕНТР И ПРИЗНАЕТ, ЧТО ВСЕ ЭТО ПРОИЗОШЛО ПРИ АВАРИИ, -ГОССТРАХ ПЛАТИТЬ ЗА ЭТО НЕ БУДЕТ.

И снова приехал за мной желтый ЗИЛ, и, учаливая цепями «Ниву», спросил водитель:

— Какие дела?

— А как у всех, — сказал я. — Обманули дурака на четыре кулака.

* * *

- Вы меня помните? — спросил я в районном ГАИ, входя туда с колесом на груди.
— Помним. Какие трудности?
— Вы можете подтвердить, что это колесо было смято в аварии?
— Козе понятно, что именно тогда. Что они там, в консотделе, горбатого к стенке лепят. Нате письменное подтверждение.
Есть все же люди на свете!

* * *

- Все еще вы? — радушно сказал инженер Вонзаков. — Принесли про колесико документ? Ну, включим его в калькуляцию, ладнр уж. Кончался третий месяц консотдельской мороки.

* * *

— Вы нос-то вешайте, — говорили мне умные люди, — а голову не склоняйте. Пока суд да дело — вы приискивайте станцию для ремонта. Пока со станцией снюхаетесь — и калькуляция подоспеет. У вас тяжелый ремонт, точностный, его на стапеле производить надо, в Тольятти или же в Яхроме. Или уж в Долбино. Там нивовского стапеля нету, но ребята — левши, вручную микрон за хвост поймают. К тому же заполучили они какой-то компьютер с гидравлическими кулаками. Усадят этот компьютер в «Ниву», вложат в него нивовскую перфокарту — он кулаками изнутри и распрялит «Ниву» до нормы.

Я кинулся в Долбино. Но неутешительными были ездки: забита станция заказами по сентябрь.

— Если только не возникнет окно, — сказали ребята, руками вылавливающие микроны. — Вдруг утром не явится кто, назначенный на большой ремонт, тогда сможем въезд разрешить.

— Мужики! — доверительно сказал я. — А могу я вас попросить: если откроется окно — позвоните мне на работу. Или в семью. Чтобы я за час на буксире...

— Не, — сказали мужики. — Это надо в голове держать да звонить. Нам такая колгота ни к чему.

И вот в чем, товарищи, выгода быть более-менее приличным человеком: у вас обязательно будут друзья. Да, пришли друзья и предложили сами: чтобы ты не изводился, сделаем так — «Ниву» отбуксируем в Долбино и всяк по суткам, по скользящему графику, будем ночевать в ней с должной документацией на руках. И если возникнет окно на станции — вот он, подранок, у вашего порога сию минуту!

Верные, жертвенные друзья. Полторы недели выдержали они в сквозняковой и протекающей «Ниве». Причем не перед станцией утилась она — новый директор Птитченко не велит ночевать перед

станцией битым машинам,— а в глухом, неблагополучном по тревожным человеческим крикам переулке.

Но на исходе второй недели, когда в семьях друзей пошли трения по поводу их неупорядоченного образа жизни, пришлось искать новые выходы из положения. И вот какой напросился "выход: мать честная, да прямо перед долбинским автосервисом располагается громадная, ухоженная, охраняемая стоянка Всероссийского добровольного общества автомотолюбителей! В конце концов я тоже член этой организации, плательщик солидных взносов. На стоянке должны мне помочь, разрешить на пару недель упокоить машину. Помочь терпящему бедствие автомобилисту— главный лозунг и главная забота ВДОАМ.

— Так уж и главный,— отшили меня.— Центральное руководство общества запретило держать на стоянках битые машины.

— Люди! — воззвал я.— Земляки! У меня на руках рулон документов. Есть свидетельства ГАИ, что я потерпевший. Есть свидетельства той же ГАИ, что наехали на меня, а не я получил тяжелейшие повреждения, шибив пятных домохозяек с праздничными авоськами. Почему так, граждане: в мире людей больному человеку во всем — преимущество, а в мире машин мы насадили закон волчьей стаи: подранок становится вне закона, обрекается на растерзание и добитие?

— Ладно,— сказали на стоянке,— пронял ты нас. Оплати в кассу за неделю. Но если что — чтобы духу твоего не было на стоянке по первому требованию!

— Благодетели! — закричал я и растерзал на груди рубаху.

— Не то что по требованию — улечусь по желанию! По мановению!

Да, утряслось. И, воспользовавшись этим, автор мигом вылетел в служебную командировку: гор. Кызыл, Тувинская АССР.

Но уже четвертой ночью настиг его в гостинице звонок рыдающей жены. Автостоянка грозно известила: если завтра к 6.00 «Нива» со стоянки не испарится, ее на удавке уволокут через весь город и бросят на стоянке бесхозных машин за ВДНХ. А там автомобильные коршуны и шакалы в момент выключают из машины сердце и вырвут печень.

Прервать командировку — такого права мне отпущено не было. Со стоянки ВДОАМ на рассвете машину вывели друзья и за пятнадцать рублей оставили на соседнем пустыре под присмотром благолепного старика: страдает бессонницей, а окна квартиры — как раз на пустырь.

* * *

Но проклюнулось солнце: не прошло и полугодя после аварии, как я, волоча за собой шлейф квитанций, актов, справок и ведомостей, попал на станцию.

— Вами, клиент, займутся отличные мастера,— оонадежил начальник цеха Паклин.— Вы зализывайте свои душевные раны, а в сжатые сроки ваша машина станет как ягодка. Вот идет Анатолий, ваш мастер. Подлинно ремонтный Кулибин!

И подошел корифей ремонтов с листочком в руке. Это было заявление на увольнение.

— Не могу больше, сил нет,— сказал ремонтный Кулибин и перепилил горло ребром ладони.

— Зачем уходишь? — вскинулся начальник цеха.— Где тебе будет лучше? Ты же творец, я тебе создал все условия! Тебя в другом месте рутина задавит. Ты от бога механик, всех прочих в капусте нашли, а тебя в коленчатых валах. Остынь и останься!

Тут выяснилось: данный корифей и Кулибин ремонтов решительно уходит потому, что на станции с ремонтируемых Кулибиным машин его же коллеги повальню крадут колеса, фурнитуру, узлы и агрегаты. У Кулибина крадут Ползуновы, а у тех — Черепановы.

— И прахом идет работа,— сказал мастер.— Придешь на смену — час надо раскладывать, вынув из-под замков, инструмент и детали ремонта, ссыпанные под замок навалом. Потом не столько работаешь, сколько косишься: кто подходит к тебе, что нацелился украсть? А за час до конца смены снова рассовывай все под замки. Тошно! Хорошо бы сеткой обнести участок каждой бригады, так было бы по-деловому. Но тогда, видишь ли, получится, будто станция еще не воспитала тип передового рабочего.

— Клиент, идите к приемщику,— велел мне начсеха Паклин.— У вас будет другой мастер, а я тут должен довьяснить.

И славный, обходительный приемщик, поставив меня перед окошком конторки, стал заполнять тошнотворные очередные ведомости, задавать вопросы по требующим замены узлам.

В это мгновение, стремительный и резкий, набежал человек. Он навел на меня палец, которому не хватало только мушки на ногте и отверстия дула, и звонко и содрогающе крикнул:

— Кто такой?!

— Моралевич,— назвал я.— Паспорт VII-МЮ N5 586731, выдан 10 ноября 1976 года пятнадцатым о. м. гор. Москвы.

— Клиент,— сказал резкий (это был, конечно, сам директор станции Птитченко, борющийся за новый тип передового рабочего),— почему тут стоите, клиент?

— Меня поставили сюда, чтобы я отвечал на вопросы.

— Тут не стоять,— распорядился Птитченко.— Когда вам задают вопрос — вы отвечайте, а когда приемщик начинает писать — отходите к ящику с песком для окурков. Когда приемщик задает следующий вопрос — вы снова подходите, отвечайте и отходите. Все!

И ринулся дальше гранить новый тип передового рабочего.

— Зачем он унизил и вас, и меня? — спросил я приемщика.

— Он растущий товарищ. Кует авторитет.

Ну, подумал я, раз авторитет, тогда дело другое. А насчет унижения— так разве не написано в художественной литературе у Валентина Катаева: «Унизься, дурак, унизься, ну, что тебе стоит унизиться?» В самом деле, ничего не стоит.

— Вот и порядок,— подвел черту в документах приемщик.— У вас что с собою, ящики или мешки? Не понимаете? Во что, я спрашиваю, будете дефицит со своей машины снимать. У НАС МАШИНА СТОИТ В РЕМОНТЕ. А ЧАСТИ ПОВЫШЕННОГО СПРОСА ВЛАДЕЛЕЦ ДОЛЖЕН УВЕЗТИ ДОМОЙ, ЧТОБЫ НАШ ПЕРСОНАЛ НЕ РАЗВОРОВАЛ.

Тогда по телефону я вызвал верного друга Кудряшова. Мы сняли с «Нивы» и перенесли в его «Жигули»: прикуриватель, все пепельницы, заголовники, щетки стеклоочистителя, щетки с фар, крышку бензобака, зеркала наружные и внутренние, бачки омывателя стекла с моторами, дократ, насос, заводную ручку, инструмент, переносную лампу. И язвительный Кудряшов сказал:

— Хорошо бы, конечно, унести домой для безопасности всю машину, но она как раз прибыла в ремонт.

Да, баста, сделано было дело. И мы, раздавленные идиотизмом и тяготами одного из истекших почти ста дней, **поднялись** на второй этаж — выпить в буфете кефира. И ах — притупление наблюдательности! Нам бы бежать из полупустого буфета, увидев, сколь остолбенело сидят за столами люди в рабочих комбинезонах, а мы вошли, мы — чудовищно! — осмелились купить две бутылки кефира и два **марципана**. Тут **взорвался** один стул. **Сапаном** со скалы с него слетел... кто? Да, директор **станции** Птитченко. Отец **солдатам**, он сидел **здесь** и **надзирал** за культурой поглощения пищи рабочими. Один глаз товарища Птитченко жег **нас**, другой — сверлил.

— Я потом,— зловеще сказал он буфетчице,— отдельно разберусь с вами, почему вы в неустановленное время продали посторонним еду. А вы,— повернулся он к нам,— вы не видели в коридоре табло с поминутной регламентацией работы буфета? Вы не вникли, что в эти минуты кормятся только рабочие?

Да, конечно, разумно было бы поступить опять по цитате из Валентина Катаева. Но сталь и капрон нервов давно уже стали паклей, и, затрясшись, я проорал:

— Птитченко! Я смертельно устал от задерживающих табло, жуликоватости, неотесанности и самодурства. Я кефира хочу и плевать хочу!

По дороге домой я спросил сердечного друга Кудряшова:

— Как ты думаешь, в какой форме выразится гнев Птитченко на меня? Велит он сжечь мою машину или сгноить?

— Я бы распорядился сгноить,— ответил рачительный Кудря-

шов.— При сгнаивании получается больше продуктов вторичной полезности.

* * *

Машину я получил через полтора месяца. Сделали ее хорошо. За воротами станции я одевал машину в дефициты, спасенные от раскрадывания методом вывоза.

— Вот вы и отмучились,— сказал вышедший помахать мне рукой инженер-приемщик.

— Наполовину,— сказал я, пытаюсь поставить на место бачок омывателя, но вместо кронштейна нахожу пустоту.

— Что такое? — встревожился мой приемщик.— Вы разве не увозите домой кронштейны?

— А разве и их надо было?

— Всенепременно! Судите сами: будь кронштейны обычными плоскими пластинами — тогда бы они не дефицит. А они — сложной конфигурации, буквой «Г».

* * *

— Сколько лет, сколько зим! — приветствовал меня инженер районного Госстраха Евлампиев.— Наверное, за страховым возмещением? Мол, прошло полгода, пора бы получить страховую сумму плюс за колесико? Так? И почти готово все, вы почти что в преддверии получения, вскорости сердечно поздравлю вас. Но хотелось бы еще один документ из ГАИ. Где было бы красноречиво написано: Моралевич не виноват, виноват Авдоткин.

— Да зачем вам такой документ? Вы все равно обязаны мне платить, прав я или виноват.

— Вон какой вы стали подкованный! Другие только после года безготни так подковываются, а вы за полгода. Но желательно все же документик из ГАИ.

Осточертев людям в ГАИ, я привез документик.

И теперь сошло на меня смирение. Я не получу ничего за колесико. Да и в нем ли дело? Ведь даже если стадо коров забредает в реку — вода в реке теплой не становится.

* * *

Прошло полгода оголтелых мытарств, и страховка, хоть и в виде лняющей жар-птицы, все же далась мне в руки. Но: у вас был новенький автомобиль. Ремонт после тяжелой аварии никак его не украсил: там нарушены, отчего ослаблены и подвержены усиленной коррозии, заводские сварные швы, там истово приложена кувалда к кронштейну штанги поперечной устойчивости. Да и штангу эту, ввиду отсутствия новой на складах, выправляли отнюдь не игрой возле нее на арфе.

Словом, ВАШ АВТОМОБИЛЬ ПОТЕРЯЛ ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ

ЧАСТЬ ТОВАРНОЙ СТОИМОСТИ. ЕЕ СЛЕДУЕТ ВОЗМЕЩАТЬ ПОМИМО СТРАХОВКИ. ПОЭТОМУ, ЕСЛИ НЕТ ОТВЕТЧИКА, ЕСЛИ ВЫ САМИ, ПЕРЕПУТАВ РЫЧАГ СКОРОСТЕЙ С КОЛЕНОМ СИДЯЩЕЙ ПО ПРАВУЮ РУКУ ОТ ВОДИТЕЛЯ ГРАЖДАНКИ, ПЫТАЛИСЬ ПЕРЕКЛЮЧАТЬ КОЛЕНО, ОТЧЕГО НА ВСЕМ ХОДУ СВЕРЗИЛИСЬ С БУГРА-ПЛАТИТЬ ЗА УТЕРЮ ТОВАРНОЙ СТОИМОСТИ, ПОМИМО СТРАХОВКИ, ДОЛЖЕН ТОЖЕ ГОССТРАХ. НО ЕСЛИ ЕСТЬ ОТВЕТЧИК, В ДАННОМ СЛУЧАЕ АВДОТЬИН, - ЗА УТРАТУ ТОВАРНОЙ СТОИМОСТИ ПО СУДУ ДОЛЖЕН ПЛАТИТЬ ОТВЕТЧИК.

Заявление в суд по надлежащей форме мне сочинили в юрконсультации у Савеловского вокзала.

В ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ ВЫ ПОКАЗЫВАЕТЕ ДОКУМЕНТ КОНСОТДЕЛА, НА КАКУЮ СУММУ ВАМИ ПОТЕРЯНА ТОВАРНАЯ СТОИМОСТЬ. В СООТВЕТСТВИИ С ЭТОЙ СУММОЙ ВАМ НАЧИСЛЯЮТ СУДЕБНУЮ ПОШЛИНУ. ПОШЛИНУ НАДО ВНЕСТИ В СБЕРКАССУ И ПРЕДЪЯВИТЬ СУДУ КВИТАНЦИЮ. УТОЧНИМ: НЕЛЬЗЯ СОВАТЬСЯ АБО В КАКУЮ СБЕРКАССУ. ПЛАТИТЬ НАДЛЕЖИТ ТОЛЬКО В СБЕРКАССАХ ТОГО РАЙОНА, ГДЕ РАСПОЛОЖЕН СУД.

Помните также: ЗАЯВЛЕНИЕ В СУД СДАЕТСЯ В ТРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ. Сдав по незнанию два, автор, подвывая от спешки, летал домой допечатывать третье.

И промозглым, туманным утром, когда люди сморкаются дальше, чем видят, автор подъехал к райсуду, надеясь быть тут первым. Увы! Под закрытыми дверями судебного здания гуртовалось уже много публики, и что удивительно — только женщины. Они бродили под дождем по раскисшей почве.

— Гражданки! — позвал автор. — Пятеро! Влезайте в машину, будем ожидать в тепле.

— Пошел к черту, радетьель, — отозвались гражданки, такой резкостью в немалой степени озадачив автора.

Но вскоре открылись двери судебного здания и, дожидаясь своей очереди в приемной молодого судьи по фамилии Буслаев-Басс, раскурил автор секрет нелюбезности гражданок: все они пришли оформлять разводы. И среди странных разговоров о классификации синяков под глазами: нет, голубушка, это у вас всего только бланш, а бланш — он еще далеко не фингал или фонарь; среди фраз о том, что самой приятной формой обращения такого-то мужа к жене является: «Ну ты, королева глистов!» — под открыто неприязненными взорами едва дождался автор очереди и юркнул в кабинет судьи.

Тут решилось все в три минуты. Листанув документы, судья Буслаев-Басс сказал:

— Бумаги в идеальном порядке, вы свободны. Через месяц рассмотрим дело.

— Мне ждате повестки?

— ПОВЕСТКУ ОТПРАВИМ, НО МОЖЕТЕ ПОБЕРЕЧЬ СВОЕ ВРЕМЯ, В СУД НЕ ПРИХОДИТЬ. ДОКУМЕНТЫ ВАШИ БЕССПОРНЫ, В БЕССПОРНОМ ПОРЯДКЕ И ВЗЫШЕМ.

«Как тут все человечно и просто, — думал автор, покидая судебное здание. — Как здраво и четко».

И не подвел суд, сообщив через месяц: дело рассмотрено, езжайте в автобазу получать свои денежки.

Однако: С ОТВЕТЧИКА ПО ПРОСТОЙ СХЕМЕ, ИЗ РУК В РУКИ, ВАМ ДЕНЬГИ НЕ ПОЛУЧИТЬ. ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ОТВЕТЧИК ДОЛЖЕН СДАТЬ ДЕНЬГИ В БУХГАЛТЕРИЮ СВОЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ, БУХГАЛТЕРИЯ ИХ ОПРИХОДУЕТ, РУКОВОДИТЕЛЬ ПРЕДПРИЯТИЯ ЗАВИЗИРУЕТ — И ЛИШЬ ТОГДА НАСТАЕТ ПОЛУЧЕНИЕ, НО НЕ В КАССЕ ПРЕДПРИЯТИЯ, А ПО ПОЧТЕ. ПРИЧЕМ, КАК ПОДСКАЗЫВАЕТ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И ЗАКОННОСТЬ, ПОЧТОВЫЕ НЕМАЛЫЕ РАСХОДЫ ДОЛЖНЫ ОТНОСИТЬСЯ ЗА СЧЕТ ОТВЕТЧИКА, НО ИЗ МСТИТЕЛЬНОСТИ ОТВЕТЧИК НИКОГДА ЭТОГО НЕ СОБЛЮДАЕТ.

И в десятый, не менее, раз я приехал на автобазу Авдотьина. К юрисконсульту автобазы. В годовщину со дня аварии.

— Слушайте, — сказал я, — не пора ли платить? По суду, в беспорядке! И НЕ ДЕЛАЙТЕ ВИДА, ЧТО НЕ ПОЛУЧИЛИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ. ОНО ДАВНЫМ-ДАВНО У ВАС, СУД ВРУЧАЕТ ЕГО ПОД РАСПISКУ.

— Это чего такое платить? — заершился юрисконсульт Ишуин. — Ведь страховку вы получили? Получили. Так за что еще денег хотите? За какую такую товарную стоимость? Знхть не знаю. По какому такому суду?

— Вы правда юрисконсульт с полагающимся высшим образованием? А то складывается впечатление, что вы закончили юридический техникум, да и то заочно. Если вы принимаете меня за дурака, то последний раз меня назвали дураком в 1944 году — соученица по второму классу. И с той поры называли как угодно, но только не дураком.

— А вот я погляжу, — закапризничал юрисконсульт Ишуин, — получили ли мы повестку на явку в суд. Был ли я в том суде. Если без меня слушали, то и решение недействительно.

Тогда я спросил Ишуина, когда у него день рождения. Я обещал подарить ему полный свод законов СССР, которые он не знает, ХОТЯ НЕЗНАНИЕ ЗАКОНА НЕ ОСВОБОЖДАЕТ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЕГО НАРУШЕНИЕ.

— Вон как наострились — формулировками крыть, — сказал неприязненно юрисконсульт. И в момент нашел решение суда, и вспомнил, что такое выплаты за утерю товарной стоимости, и что должен платить ответчик.

Но опять покатались недели, а деньги не поступали. То ревизия

в бухгалтерии автобазы, то сдастся отчет, то нет юрисконсульта Ишуина, а без него концы не найти, то мыши потратили визировочный директорский карандаш.

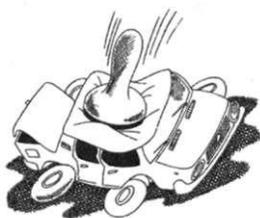
В близком к истерике состоянии автор снова посетил райсуд, сказав судье Буслаеву-Басс:

— Вы приняли решение, так проследите за его исполнением. Автобаза нагло жульничает и не хочет платить. Пора бы и применить к ней власть. Пусть поедет в автобазу судебный исполнитель. Хватит вилить!

— Да зачем исполнитель? — всплеснул руками судья. — Ваше дело правое, а исполнителей у нас недостаточно. Так что жмите сильнее сами на окаянную автобазу.

И еще месяц я жал на автобазу звонками, приездами и смутными выкриками, что пожалуюсь ВПЛОТЬ ДО. Я их пересилил. Издавая зубами тормозные скрипы, за мой, конечно же, счет (из мстительности) они перевели мне деньги. Так закончились полгода, проведенные в аду, плюс восемь месяцев в его преддверии.

— Ну и дурак, — подытожили некоторые резонные и пролазные граждане. — У тебя на руках удостоверения: писательское, журналистское, крокодильское, консультанта МВД СССР по печати — да все красные книжки, все в коже, все с золотом. Припугнул бы этими книжками — вот и сократился бы срок ремонта, срок страховых выплат месяцев до шести. Да подмазал бы где надо, пусть бы там и сям заобогатели так, что на десерт стали есть деньги, — до четырех месяцев мог сократиться срок. А варясь в общей массе, всего-то гражданином Моралевичем, паспорт VII-МЮ No 586731, — поделом тебе вышло тухлое дело и год с лишком бедствий.

см. журнал №25-26 за 1984 год

— Учитесь видеть сны, джентльмены! — говаривал коллегам Кекуле.

Ну, и независимо от великого химика, вроде как Бойль от Мариотта или медик Бломберг от медика Щеткина, проживал в городе Бурхантепе молодой бравый мужчина с рыжим прутковым волосом на голове и с веснушками такими, что на лице аж в два слоя. Именовался он Николаем Искренновым. Как у Штрадоница, сны Николая всегда носили производственно-профессиональный характер. А был наш Николай свеженазначенным директором занюханного кафе близ ипподрома. Кафе, к которому не был подведен даже водопровод, а шели в полу, случись заглядывать в кафе блестящему Биллу Кроукрофту, уже написавшему свою монографию «Все о мышах», позволили бы этологу создать капитальный труд «Все о крысах».

Истинно подвижнический труд вложил в возрождение кафе Искреннов. Но томила его какая-то неоконтуренная мысль, несведение воедино чего-то и где-то слышанного. Тут-то и проистек у Николая, как теперь говорят, конструктивный сон.

Рано, на самый что ни есть сельский манер начинается день конеработника. И вот в эту раннюю рань возник на ипподроме озаренный директор кафе: товарищи конеработники, слышал же я от вас, что конное поголовье ипподрома жиреет и томится в праздности. И про национальные дагестанские корни вел я с вами беседы, что вот, допустим, лакец, профессор математики, по уши сидит в своих алгоритмах, но случись ему разгадать пусть даже все математические казусы Римана — не заблестают его глаза так, как при встрече с самой неказистой домовою лошадью. Короче: у меня — кафе, у вас — ипподром. От города к нам и обратно надо организовать прокат экипажей. Республика на «ура» примет это. Тысяча польз и выгод. Все хлопоты беру на себя.

— Ну, — поощрили конеработники, — ты голова, Николай. Ты это самое... тип руководителя будущего!

И мигом слетал в Москву директор кафе, заказал там пять лихих лаковых экипажей плюс сбруя. Были когда-то в Москве шорники, каретники, да какие! Но, считай, не упоминаются уже шорник с каретником в красной книге людских профессий. Так что не по наитию, не по династическим навыкам все было сработано — по чертежам. Однако все классное и из лучших материалов.

И состоялся в Бурхантепе под народные приветственные клики пробный выезд, и пошел Николай в типографию за последней малостью в деле — напечатать билеты. Но билеты ему не напечатали: дело новое, нету прецедентов, нету единой формы билета, нету лошадиной эмблематики для билета. Велели правовую сторону вопроса утрясти с финансистами.

И вплоть до Москвы докарабкался директор кафе, а ничего не утряс. Ибо: это только вам, товарищ, провинциалу из Бурхантепе, дело представляется простым. Тогда как надо при разработке лошажьих тарифов обчитать жеребца с кобылой эргономически, надо утвердить сетку

оплаты возницы, надо обсудить, как брать с клиентов, почасово или по километрово. Ведь не будешь же вносить плату по системе: за каждый качок — пятачок.

— А особенно, товарищ, — говорили финансисты, пытливо и жестко заглядывая в глаза предприимчивому директору Николаю, — надо разработать систему против злоупотреблений и махинаций. Наверняка будут ездки неустановленными маршрутами, посадка лишних необилетных пассажиров, недовложения в рацион коня с последующей продажей фуража частным куроразводчикам. Так что не досаждайте нам. При этом ваша напорность наводит на мысли, что вы не только из национально-государственных интересов хлопочете за это дело. Чтоб вы знали, в Уголовном кодексе сказано...

И бежал Николай и из Москвы, и из директоров в вечные заместители, бежал он и от всякого предпринимательства. Вот как подумал он: предприимчивый директор — нет человека удобней, чем он, для прищипывания к нему ярлыков: «преступный сговор», «финансовые злоупотребления», «обратил в свою пользу». И при этом никогда следствие не заострит внимание на конечном, на достигнутом результате, на пользе и экономии от него. А обратит следствие внимание на пикантные с его точки зрения «блешки». Потому твердо решил Николай никогда больше не возглавлять ничего, ибо опять потянут черт, гордыня и профессиональное честолюбие вести свое дело лучше всех. И стал Николай третьим лицом в здешнем железнодорожном общепите. Отличный работник. Поручи ему что угодно традиционное, что вписывается в систему нынешних представлений БХСС и прокуратуры о допустимом — выполнить безукоризненно. Но не сверх того!

Здравое Николай принял решение. Проживет он долго, нетревожимо и, в общем и целом, бесполезно для общества. Молодой человек — он поступил наиболее дальновидно, потому что люди сейчас чем моложе — тем житейски мудрее и самосохранительней.

* * *

А Султан Номадов из Акынска был старше нашего бурхантепинского Николая, а потому не так самосохранителен.

Ему было семь лет, когда мать его попала в больницу, и мальчик оказался единственным кормильцем семьи. Он набрал в лесу лукошко орехов, часть скормил младшим братьям и сестрам, а с остатком пошел в немецкую слободу.

— У карагачевого выворотня стоит мальчик с корзиной, — сказал старик немец, — три часа стоит на солнце. Ему что-то нужно. Приведите его.

Старик сказал мальчику:

— Не дичись. Ты выдвигаешь слова изо рта, будто это поддоны с кирпичом. Говори слова легко.

Старик взял в толк, чего хочет мальчик: у него больна мать, матери нужен литр молока. Мальчик хочет продать орехи и на выручку купить молока.

— Оставь при себе орехи,— сказал старик мальчику.— Лес начинается за нашими домами, там орехов невпроворот, а мы не ленивы. Налейте ему молока. Приходи за молоком каждый день.

— Я не возьму,— сказал стальной недокормыш.— Орехи стоят рубль, мне надо рубль, потом на рубль молока.

— Не знаю что, но из тебя что-то выйдет,— сказал старик.— Женщины, сделайте, как он хочет.

Автор данного очерка не берется сказать, чего больше в Султানে Номадове — ума или воли. И однажды, выросши, этот сгусток ума, воли и чести очень обидел акыньских следователей. Они уже примерили Номадова к большому сроку заключения, но тот подло оказался невиновен. И, представьте, не один Номадов так считал, а еще и заместитель Генерального прокурора СССР.

Короче, в первый раз выйдя на свободу, рабочий Номадов работал, совершенствовался, стал мастером, старшим мастером, начальником цеха металлоизделий. Поступил в институт.

Ах, не берег себя Номадов и так опрометчиво поступал! Ведь следователи, которых он когда-то обидел своей невиновностью, наказания за допущенное не понесли, все, как и прежде, были на должностях, при мундирах и при оружии. Учсть бы это Номадову и жить тише воды, ниже травы, а он был какой-то вулканно-гремучий, провел четвертьмиллионную реорганизацию цеха, обставил цех перспективным оборудованием, вплоть до гигантских прессов. И невдомек было Номадову, что своей хозяйственной предприимчивостью он более чем кто-либо подставляет свой борт под удар. Ведь именно про предтечу Номадова пророчески писали Ильф с Петровым: «О таких подсудимых мечтают начинающие прокуроры».

Лучшее предприятие района — цех был остановлен и опечатан. Номадов (обратим на это внимание. Это становится правилом. Это очень тревожно: чтобы хозяйственник не жаловался на методы следствия — скорее его в тюрьму!) был препровожден немедля в тюрьму. Вся техническая документация и чертежи цеха были арестованы и вывезены УВД Акыньского облисполкома. Следствие (в подобных случаях всегда так!) скоропалительно доложило высшим областными инстанциями, что схвачен крупнейший расхититель.

Но Номадов успел направить жалобу. И, видимо, такова звезда у этого человека, рабочий он или руководитель: быть ему в добром здравии только при участии государственных мужей высшего союзного ранга. Не успел еще номадовский халат залосниться сзади от помещаемых за спину рук — прибыла по его делу комиссия МВД СССР. И после вдумчивой работы комиссии заместителем министра внутренних дел было произнесено: невиновен. «Установлено, что бывшим начальником

контрольно-методического отделения следственного отдела УВД Акыньского облисполкома Трехтоновым, проводившим расследование уголовного дела, были допущены грубые нарушения социалистической законности. Без достаточных оснований он принимал решения о задержании граждан и предъявлении им обвинений».

Позволим себе мимолетный отход от конкретности и чуть-чуть обобщения. Лишь огласим наблюденное, а трактовку предоставим читателю: как-то так получается, что вокруг настоящих по предприимчивости директоров всегда складываются первостатейные коллективы. Главврач Армянин, которым закончится наш очерк, возглавлял коллектив больницы, откуда за много лет не вылетела ни одна анонимка (просим особо отметить — это из медицинского-то учреждения!), ни одна кляуза, ни один навет. Там был единый фронт людей, отлично делающих большое дело.

То же происходило в цехе металлоизделий. И рабочие сказали возвратившемуся начальнику: как снова запустить производство? Как монтировать новое оборудование? Ведь всю техническую документацию вывез и не отдаст следователь Трехтонов.

— Он и не отдаст,— сказал Номадов.— Сплошь и рядом бывает, что следствие уничтожает часть документов. Тогда легче обвинять того, кого хочется обвинить. Прокуратура и милиция извещают нас, что все документы и чертежи сгорели при пожаре в милиции. Мы поступим так: на заводы страны, откуда мы получали оборудование, пошлем в командировки людей за чертежными дубликатами.

А на заводах в Воронеже и других городах страны порядок знают. Там сказали посланцам: да, мы вас помним, симпатичные ребята с юго-востока. Но если чертежи сгорели в милиции, пусть милиция даст справку об этом. Тогда мы раскошелится на дубликаты.

Но по сей день следователь Трехтонов удостоверять ничего не желает. Стоят линии и прессы. Ввиду чего приведем еще абзац из документа, подписанного заместителем министра: «Изъятие и утрата документации, проведение инвентаризации в цехе оказали определенное влияние на ухудшение финансового состояния предприятия».

Приведем и еще абзац из того же документа: «За допущенные нарушения социалистической законности виновные в этом должностные лица органов внутренних дел привлечены к дисциплинарной ответственности. Принято решение об увольнении Трехтонова».

Но, попросту говоря, Акыньск надул Москву. Никто в Акыньске за содеянное против Номадова и отличного предприятия ответственности не понес, а следователь Трехтонов хоть в другой должности, но преспокойно работает. И как в музыке существуют вариации на какую-либо тему, так были применены следственные вариации на тему «Номадов — лишение свободы». Что, не удалось упечь Номадова как хозяйственника? Тогда возбудить уголовное дело о незаконном получении Номадовым

аттестата зрелости в вечерней школе. А раз аттестат незаконен, то и поступление по нему в институт преступно и незаконно.

Директора вечерней школы — конечно, для дачи улучшенных и ускоренных показаний — сразу взяли под стражу.

И снова вышел конфуз. Оказалось, что этот несносный предприниматель Номадов двадцать лет назад окончил в Акынске среднюю школу № 33 с получением аттестата КА № 310397. А в вечернюю школу перед институтом поступил для освежения знаний. И учился в вечерней школе хорошо. И экзамены сдавал подобающим образом. Причем последний экзамен (это сугубо по секрету и между нами, дорогие читатели), находясь уже под стражей, Номадов сдавал так: при возвращении с допроса умолил конвой завернуть на полчаса в школу.

Что сегодня? Следствие так и не желает известить Акынский гидро-мелиоративно-строительный институт, откуда, по настоянию следствия, Номадов был заполошно исключен, что Номадов должен быть немедленно, с принесением извинений восстановлен.

Я спросил Султана Номадова, первый раз посетившего редакцию два тяжелых года назад:

— Два года выпали у вас из жизни. Найдете вы в себе силы остаться прежним?

— Найду. Я как давил левой рукой на динамометре восемьдесят пять кэгэ — так и давлению, правой девятюсто семь — так и давлению. Я и после пережитого не употребляю спиртного — это мешает думать. (Автор не встречал ни одного пьющего предпринимателя. Все любят думать.) У меня есть силы и желание остаться прежним. Но это по многим причинам опасно. У меня пять дочерей. Хотелось бы, чтобы они росли при отце. А надежд, что в следующий раз мною будет заниматься исключительно не пьющий с детства и думающий следовательно, — таких особенных надежд нет. Поэтому осенью будет держать совет вся собравшаяся семья: быть мне самим собой или уходить в тихие исполнители. Ведь, знаете, даже у ангела при желании можно найти в крыле если не черное, то хоть палевое перо.

* * *

А Джума Исаев был еще старше Султана Номадова. А стало быть, еще менее самосохранителен. Первый раз, после года, проведенного в тюрьме под следствием, он появился в редакции три года назад.

Когда-то, председатель колхоза им. Бекова, он пригляделся и сказал: крестьяне, мы живем неправильно. При здешних погодках и почвах у всех на приусадебных участках с грохотом произрастает чеснок. А потому люди, отпрашиваясь в колхозе, добывая липовые справки, хлопотно везут чеснок в большие города, людей там обжуливают при рынках

перекупщики — зачем нам все это? Давайте построим цех по переработке чеснока в очень спросную чесночную пасту. И колхозу выгодно, и колхозникам, и никуда для продажи ездить не надо.

Идею в министерстве сельского хозяйства одобрили, но ничего для реализации ее не дали: ни технологий, ни машин, ни специалистов. Доходите своим умом и стройтесь хозспособом.

И построил цех предприимчивый Исаев, и дело пошло лучше и лучше. А как-то вечером отправился председатель на внеплановый обезд колхозных угодий, он это практиковал. И на дальних виноградниках накрыл группу лиц, приделывающих ноги к опорным столбикам для виноградных лоз.

— Не подходи! — сказала одно лицо и вскинуло ружье. — Дай уехать, иначе убью!

— Не уедешь и не убьешь! — сказал председатель и сделал шаг вперед. (Надо сказать, что все предприниматели, встречавшиеся автору, были людьми высокой личной отваги.)

Ф. Э. Дзержинский — описан такой случай — одной лишь силой взгляда заставил врага опустить и бросить уже наведенное на чекиста оружие. Но то ли у Исаева был недобор волевых статей по сравнению с Дзержинским, то ли другой оказался на поле тип малоубеждаемого преступника — выстрел был произведен. В упор. В область горла.

Но Исаев выжил. По состоянию здоровья, по руководящим достоинствам его с повышением перевели в заместители директора комбината. А через несколько месяцев еще недовылечившийся от ранения предприниматель Исаев был арестован по делу о чесночной пасте. И немедленно — что? Препровожден в тюрьму. Немедля же республиканская газета дала заметку, что схвачен подозреваемый в наитяжких преступлениях некто Исаев, ведется следствие.

По исключенному из партии, с традиционно описанным и конфиденциальным имуществом, то в тюрьме, то на свободе Исаеву следствие шло четыре года. И сегодня, когда уже доподлинно ясно, что человек невиновен, следствие все еще как бы идет.

Вот в чем обвинялся Исаев: мясокомбинату гор. Хабаровска колхоз отправил двадцать тонн чесночной пасты. Комбинат пасту принял и оплатил, но потом пришел к выводу, что паста некачественна. Уже другой председатель колхоза, Какавов, отозвал из Хабаровска всю пасту, но получение ее почему-то не оприходовал, заявив, что вся полученная из Хабаровска паста предана земле, чем бывший председатель колхоза нанес хозяйству ущерб в тридцать тысяч рублей.

Следователь прокуратуры Дзулиев много лет и самыми порочными методами подгонял задачку под ответ, то есть под заметку в газете. Когда же уголовное дело не состоялось, начались уже известные нам вариации на тему. Уголовное дело превратили в гражданское, приговорив Исаева к возмещению колхозу тридцати тысяч рублей. Но лопнуло

и гражданское дело. Тогда новые вариации на тему пошли в ход: привлечь Исаева к уголовной ответственности уже не как бывшего председателя и не за пасту, а как бывшего заместителя директора комбината за неправильное оформление проводников, сопровождающих грузы.

А тем временем ваш корреспондент, не криминалист, сказал на правах четвертьвекового знакомства прокурору цветущей автономной республики: прелюбопытное дело, Ибрагим Ибрагимович! Страстно желая найти у Исаева хоть палевое перо в крыле и обвинить его хоть в чем-нибудь, прокуратура республики три года не замечает удивительное. Именно же: а почему новый председатель не оприходовал полученную из Хабаровска пасту? Все двадцать тонн, по Какавову, числятся захороненными. Но не укажет ли прокуратура республики, где место этого захоронения? Прокуратура не укажет, потому что такого места не существует. Ибо, и пусть это будет известно прокуратуре, к переработке полученной из Хабаровска пасты Какавов неосторожно приставил колхозников (есть бухгалтерские документы по оплате их труда). Переработанная паста, числящаяся захороненной, была затарена в новенькие дорогие бочки и на грузовиках отправлена некоему Юре в Осетию. Не сподручнее ли прокуратуре установить точный адрес этого Юры и куда затем пошли двадцать тонн «левой» чесночной пасты, и за сколько десятков тысяч рублей? И не чист ли, как младенческая слеза, в свете этих неопровержимых фактов предприниматель Исаев?

Но еще год прошел со времени той беседы. И уже в республике новый прокурор республики. Однако исповедующий, видимо, все ту же точку зрения, что факты — они не столь упрямая, сколь упругая вещь. Ввиду чего за нарушения социалистической законности по делу Исаева никто не наказан, и четыре угнетающих года хозяйственник состоит вне партии и вне работы. О нем в республике говорят, что для него припасено много руководящих должностей, но разве можно восстановить Исаева в партии и дать работу по достоинству, покуда прокуратура не произнесет четыре слога: не-ви-но-вен. По одному слогу за каждый год следствия.

За четыре года он всего дважды — чтобы не надоедать — был в редакции. Я спросил его при последнем визите:

— Когда слово «невиновен» все же произнесется, сможете ли вы стать прежним Исаевым?

— Я и сейчас прежний, — сказал он, — меня не изменило ничто. Мои дети взрослые, тихой жизни мне искать нечего. Сейчас, на потеху всем, против меня в восьмой раз возбудили уголовное дело. Если мне возвратят доверие, может быть, и потом против меня будут уголовные дела. Но хорошо бы пожелать себе такого следователя, у которого в университете по предмету «Презумпция невиновности» была хотя бы тройка. А мой Дзулиев, поручи ему комментировать футбольный матч, вместо «Блохин начинает комбинацию» обязательно сказал бы так: «Блохин начинает махинацию».

Самому старшему по возрасту, самому масштабному по объему работ — самые и тяготы. И нашего молоденького директора кафе, и нашего металлообработчика из Акынска, и нашего чесночного страстотерпца был старше главврач Невской областной инфекционной больницы Сергей Харитонович Армянин. Десять лет назад его, главврача сельской районной больницы, эту больницу и построившего, вызвали в Невск. И назначили главврачом областной больницы.

Областная была рублена «в лапу» даже не из лиственницы — из сосняка. Год постройки — 1902. Представляла она уже не здания, а нечто врытое и крытое. И однажды, после того, как обвальный потолок заклинил двери в одной из палат и главврач подавал в окно детей из этой палаты, взбешенный Армянин явился в облздрав и сказал, что дальше так продолжаться не может.

— А мы и знали, что вы так посчитаете, — сказали в облздраве, — мы знали, что вы к нам нагрнете. Мы ведь с умыслом назначили вас сюда главврачом, с учетом ваших личностных качеств не столько клинициста, сколько строителя. Приступайте к стройке, Сергей Харитонович. Но с подрядными организациями в городе трудности. Будете строить хозспособом.

— Хозспособом я такие объемы строить не буду. Это слишком пикантно для любого следствия. Это тюрьма.

— А если не будете — мы вас уволим. В КЗоТе есть на выбор множество презабавных статей. Последующее трудоустройство при этих статьях будет весьма затруднительно. И потом — почему обязательно тюрьма? Может, всего-то строгий выговор и начет в пару месячных окладов. А ведь строить кому-то надо. Ведь для детей. Вы же любите детей!

(Руководство Невского облздрави подтвердило на суде в 1986 году, что такой разговор был в 1978 году.)

Три года маленький большеголовый **главврач носил поверх** кипенно-белого халата телогрейку строителя. Три года личным примером **вел за собой** персонал больницы. И из худшей в ударные сроки **она** стала одной из лучших в стране. И союзный Минздрав провозгласил больницу школой как внутрисоюзного, так и международного опыта.

В Невске — тысячи руководящих хозяйственников. И отнюдь не все ясномыслы и корифеи. **Отнюдь** не все наделены той стрункой (а некоторые в себе ее сознательно придушили), которую мы определяем как хозяйственную предприимчивость.

Среди некорифеев у Армянина были неприятели: пролаза, трюкач, доставала! Вот я сижу на должности, ничего мне не дают, не обеспечивают ничем — и сижу я тихо, влачу, перебиваюсь, как могу. А он, что ни затеет — все сбывается, все ему поставляют. Ловкач!

Да, у него сбывалось, и не всегда стерильно праведным путем. Его медсестры и врачи с пятирублевками дежурили на дорогах возле мест выемки грунта, заворачивая потом самосвальные большегрузы на отсыпку территорий больницы. А множественные эти пятерки, червонцы и сотни возникали так: те, кого мы уничижительно называем шабашниками, от своих больших заработков часть денег оставляли больнице: на обеспечение фронта работ, на материалы.

Знатны невские заводские свалки, может быть, даже лучшие в мире. И вот там, как тень отца Гамлета на крепостной стене, непрестанно маячила фигура главврача Армянина. Который потом возникал у директоров заводов: у вас там складировано для уничтожения, в то время как мы... Вдобавок, больница могла бы быть полезна заводу в диспансерном обследовании детей...

Да, многие хозяйственники-сидни не любили Армянина и просто взвились, когда Армянин по просьбе Минздрава СССР провел в Невске симпозиум инфекционистов.

— Вы только подумайте, — бурчали сидни, — государственные законоуложения как бы и не для него писаны. Невск — перегруженный город. Невеликое совещание затеешь тут скликать — и то за год поставь в известность облисполком, чтобы твое совещание город вписал в гостинично-транспортно-общепитовский ритм. А этот приходит за месяц — и все для него сбывается!

(Поясним всего на одном примере, как сбывалось у предприимчивого Армянина. Он пришел и сказал, что Минздрав просит о симпозиуме. Ему сказали в ответ: ты, наверное, Сергей Харитонович, заболел, инфицировался сильно по службе. Или ты не знаешь, что заявки положено подавать за год? Где, скажем, размещать людей?)

— Отвечаю, — сказал главврач. — Я изучил график движения туристических теплоходов через Невск. Два дня гостиничные дебаркадеры речников будут свободны. Речники пойдут медицине навстречу, и как раз в эти два дня Минздрав...)

Первоклассная и очень специальная больница на несколько лет раньше возможного срока была введена в действие. Она была сдана с очень значительной экономией средств для государства. Однако народный контроль учел своеобразие некоторых строительных методов главврача: он был увенчан строгим выговором и начетом в два месячных оклада.

А через месяц прокуратура Невска изъяла всю строительную документацию по больнице (узнаете испытанный метод?). Армянин обжаловал эти действия. Тогда из прокуратуры позвонила медовым голосом следователь Букреева: заезжайте на минутку, надо обмолвиться парой слов. Армянин сказал, что приедет позже, — сейчас он мчится на совещание в облисполком. Следователь сказала: да ведь всего на минутку!

Эта минутка растянулась почти на год тюрьмы. Как Номадова, как

Исаева, без всякой к тому надобности, а чтобы защитительную активность подследственного погасить, Армянина взяли под стражу. Имущество, конечно, по традиции было описано и вывезено.

Следствие это велось наиболее своеобразно. Следователь Букреева провела каскад такой тщательности обысков в больнице, в квартире и на затрапезнейшей даче главврача, словно хотела обнаружить там пятавалентный кислород. Академическая, вообще врачебная общественность Москвы и Невска стала было протестовать и требовать объяснений, но следствие в момент остудило общественность: кого вы поднимаетесь защищать? Вы, товарищи медицинские товарищи, были гражданственно слепы, полагая, что в лице главврача имеете интеллигента, скрупулезного честягу, семьянина и всякого там инфекционистского вице-президента. А вот вам голая правда: под личиной вице-президента скрывался матерый хищник, сифилитик и гомосексуалист!

Общественность взвизгнула и откатилась. А следствие, в оправдание сказанного, провело ряд нелепых и чудовищных по оскорбительности действий в отношении многих ни в чем не повинных граждан. Действия эти, как и можно было предположить, дали нулевой результат, но знали-то об этом только оскорбленные граждане, а не общественность.

А потом пошли мелочи. На улице была арестована коммунист, множество лет депутат Агриппина Акимовна Краева, главбух больницы. Партбилет и депутатское удостоверение у нее без затей отняли, и три дня Агриппина Акимовна мыла туалеты в милиции: говори, что знаешь о злоупотреблениях главврача!

На второй день старики, родители Агриппины Акимовны, пришли к милиции: где наша дочка? Люди сказали — сюда ее повели.

— Пошли вон! — прогнал стариков офицер Кучковский (из органов милиции вскоре изгнанный).— Никого тут нету!

А через неделю, опять же по традиции и для вящей острастки, было описано имущество Агриппины Акимовны, вслед за тем конфискованное. Вот какое нажила она за всю жизнь имущество: два кольца и мопед для сына. Одно кольцо, за сто двадцать рублей, она в молодости сама себе подарила, другое, за сто пятьдесят, ей к сорокалетию подарили мать и отец.

Ну, и явились два бравых следователя к ректору медицинского института:

— Вы, конечно, будете отрицать, что сын главврача Армянина поступил сюда по блату?

(А как же иначе? Разве сдача сыном зачета по гистологии не находится в прямой связи с производительностью парового котла в больнице и диаметрами подземных больничных коммуникаций?)

Кстати, о коммуникациях. Уже вызрела у следствия идея пригнать в больницу экскаваторы, заголить подземные коммуникации. По наземным злодеяниям главврача дело у следствия не вытанцовывалось,

может, вскроются подземные? И только тут и, к сожалению, только на этот счет раздался отрезвляющий голос из обкома КПСС:

— Вы, товарищи следователи, с экскаваторами идею оставьте! Разрыть вы разроете, расколodите больницу, а засыпать кто будет?

Ах, с завышенным иногда пиететом мы относимся к следствию!

И когда появился в Невске корреспондент с официальным заданием — изучить историю больницы, категорически не пожелал встретиться с ним прокурор Невска. И когда (по рекомендации обкома) встреча корреспондента с прокурором Всесильевым все-таки состоялась, грозно сказал прокурор:

— Мне не нравится ваше пребывание в городе. Я не разрешу вам встретиться ни с кем из своих сотрудников, потому что это испортит им настроение. Кстати, напоминаю: ни один еще корреспондент центральной печати не выигрывал у прокуратуры Невска. Идет следствие, и вы не имеете права интересоваться обстоятельствами этого дела.

Однако по просьбе корреспондента показать нормативный или законодательный акт, запрещающий органам печати во время следствия, тем паче совершенно особого следствия, прояснять в самых общих пределах истину, ничего не показал прокурор Невска. Потому что в нашей стране нет таких актов.

Про методы же следователя Букреевой сказал прокурор Невска:

— Нормальные методы. Букреева — наступательный, зубастый следователь.

Так буквально и сказал: «зубастый».

— Но почему Букреева ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ведет следствие, есть люди, по микроскопическим поводам вызывавшиеся на допросы более тридцати раз, и нарушениями созаконности со стороны Букреевой не видно конца? Почему следствие, три года назад широко огласившее, что схвачен крупнейший государственный преступник, уже год топчется исключительно вокруг вопроса, откуда у главврача бак, установленный на дачной душевой будке? Что натягивает следствие, называя в протоколах найденный в саду обрезок алюминия (цена в детском магазине «Умелые руки» — от рубля двадцати до полутора рублей) «сложной профилированной конструкцией из алюминия»?

— Потому,—сказал прокурор Невска,—что из дела пропал том важнейших документов, изобличающих главврача.

— Где же он пропал?

— В тюрьме, во время допроса Армянина.

Помните, читатель, дело Номадова и сгорание в милиции всех документов? И из документов председателя колхоза Исаева, числящихся за прокуратурой, испарялись во множестве важнейшие документы. И вот опять тот же почерк?

— Каким же образом? — изумился корреспондент. — Последственный перед допросом обыскивается. После допроса — тоже. В соответствии с этими процедурами при Армянине не обнаружено ничего. Остается гипноз? Сидя в тридцати сантиметрах от следователя прокуратуры, Армянин, до той поры гипнозом не владея, вверг следователя в длительное гипнотическое состояние и, натренировав учащенное жевание на тюремных горбушках, в один присест сжевал том уголовного дела в картонном переплете, со скрепками и тесемками?

Прокурор Невска Всесильев на это ничего не сказал и поднялся. А затем в Невске под председательством судьи Заниной состоялся суд, приговоривший главврача к одиннадцати годам лишения свободы в усиленном режиме, с конфискацией имущества, с запрещением после отбытия срока занимать руководящие должности. Плюс взыскание с главврача в пользу больницы семидесяти тысяч рублей. Плюс взыскание с него же шести тысяч в счет оплаты строительных экспертов, помогавших прокуратуре. Плюс взыскание с него же еще двух тысяч — в счет оплаты труда все тех же экспертов, помогавших суду.

Своим решением не обошел суд и бак на крыше дачной душевой будки, которому следствие уделило столько внимания. Последней строкой приговора суд разрешает оставить бак там, где он и стоит: на крыше душевой будки.

* * *

В жарком июне 1986 года, на пятом году следствия и суда, в Москве состоялся еще один суд, по кассационной жалобе главврача. Это был Верховный суд РСФСР.

В зале суда нельзя аплодировать, но хотелось этого больше, чем в концерте, скажем, с участием всех народных артистов СССР.

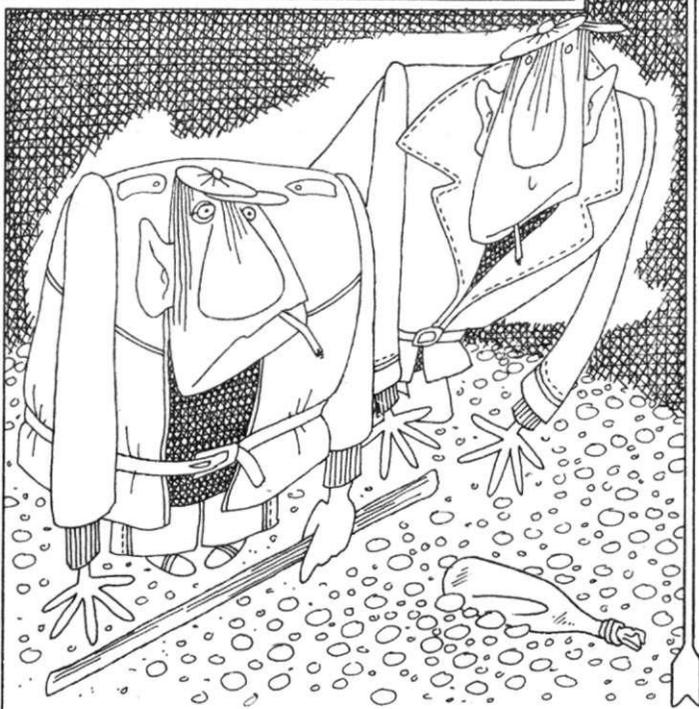
Три члена Верховного суда не признали убедительными доводы следствия и Невского горсуда против главного врача. Находя отдельные нарушения в методах хозяйствования главврача при строительстве областной больницы хозспособом, Верховный суд не усмотрел в действиях главврача личных корыстных мотивов. Верховный суд РСФСР отметил некомпетентность и тенденциозность экспертов по строительству, привлеченных прокуратурой. Так, много лет работающее здание приемного покоя, оснащенное главврачом даже видеотелефонами для контактов родителей с больными детьми, по заключению экспертов — чтобы создать видимость приписок у главврача — являет собой и на сегодня только коробку с полом и перекрытиями. Исходя из изложенного, Верховный суд РСФСР постановил: меру пресечения главврачу изменить на освобождение из-под стражи.

И всего только один абзац просится в дополнение к этому. Показательно, что в уголовных делах трех инициативных и предприимчивых руководителей, нужнейших нам людей, законность и ясность наступали только при выходе этих дел на: заместителя Генерального прокурора

СССР; на заместителя министра внутренних дел СССР; на Верховный суд РСФСР. Но почему только так высоко и через такой долгий срок наступают законность и ясность?

КОЧЕГАР ВОЛОШИН

*ИСТОПНОЕ ДЕЛО — ЭТО ДЕЛО ПРИ ОГНЕ,
А ПОТОМУ БЕЗОТЛУЧНОЕ. НА СТОЛОВСКИЙ*

обед из трех блюд от топки не уйти. Поэтому кочегар Колотушкин уложил в сумочку с надписью про спидвей два домашних коржа, баночку простокваши и широкогорлую флягу со шами, свой обед.

Был на дворе октябрь, и на выходе из дому кочегар Колотушкин повязал в два оборота шарф, ровно распределил концы его на груди, а телогреечку застегнул под горло. Кочегары — они очень подвержены простудам, калясь возле топок.

И по рассветной осенней темени споро пошел кочегар Колотушкин на службу, менять с ночной смены Толю Волошина. Поскольку Волошин просил Колотушкина прийти пораньше, поскольку с утра хотел Волошин с женой не только купить капусты на зиму, но и нашинковать ее. Им, Волошиным, славно удавалось это — капуста.

На подходе к котельной глянул Колотушкин на дым из трубы и сразу определил, что не держит Волошин в топках огонь под должную тысячу градусов, а, может, едва выдает семьсот. Разнервированный таким непорядком, Колотушкин шугнул куском угля невеликую собаку цвета яичницы, что ковырялась в угольной куче. А затем, толкнув кулаком никогда не запирающуюся дверь, вошел в котельную.

В жарком помещении одушка всегда сильнее, и сразу определил утренний, со свежего воздуха Колотушкин: пили. Тут — пили!

— Анатолий! — строго позвал Колотушкин. — Ты чего, земля, слурел? А, земля? Ты где?

Но больше ничего не сказал дневной кочегар в поисках ночного, потому что увидел у порога фуражку Волошина. И сразу определил, что фуражка эта не в порядке, а потоптана ногами. Тут метнулся Колотушкин по помещению, и вмиг у верстака обнаружил на полу потеки крови, а вон она же и у дверей, обочь фуражки.

Тут ударила мысль, что скорей, конечно, надо в милицию, но задним планом к этой мысли присоседилась и другая: топки ведь затухают! Покуда пробегаешь — совсем сквасится температура, поди выведи потом котельную на режим.

И с лопатой наперевес бросился Колотушкин к топкам, подпалит первую, вторую, дошел до крайней топки — и увидел в топке каблук. Резина-то на нем опеплилась, но жива была сиреневого цвета подковка. Знал Колотушкин эту подковку, не поддающуюся стиранию, а вот теперь и огню. Потому что была она из металла под названием титан. «Веселье подковки!» — говорил про них Волошин. Засмеется, шаркнет ногой по бетону — и от подковки искры белым снопом. Чистый конь из сказки, когда копытом оповещает, где под землею клад.

И вот теперь обугленное тело кочегара Волошина лежало в топке.

Первым делом Колотушкин схватил брандспойт, чтобы топку залить и спасти товарища. Потом подумал: поздно, не помочь уже тебе, земля. И нарушишь следы, важные следствию. Вот и собачка та, рыжая

с белым — неспроста она в угольной куче рылась. Никогда там прежде интересу собачкам не было.

* * *

Уже очень и очень скоро следствие с надлежащими ордерами посетило гражданку Лазутикову.

— А я знать ничего не знаю! — закричала гражданка Лазутикова и приняла позу «Незнакомки» художника Крамского, находящейся уже на пенсии. Но тут же была найдена следствием в жилище Лазутиковой початая трехлитровая бутылка самогона, заткнутая газетной пробкой.

— Бывает со мною, — сказала тогда Лазутикова, меняя положение «руки в боки» на положение «по швам». — Случается, на день сорока мучеников себастьянских выпью или еще какая дата. Вот и гоню.

А следствие развернуло тем временем затычку из четвертной бутылки и сличило с двумя другими затычками, меньшими.

— Все три из одной газеты, — определило следствие. — «Советская культура» от 25 июля 1984 года.

— Ну, виноватая, виноватая, — согласилась Лазутикова, всеми телодвижениями подчеркивая, что, приведись еще раз — нипочем не использует она на затычки центральную газету, а применит газету не более как районную, а то и вовсе упаковочную бумагу.

— Да мы не про то, — раздосадовалось следствие. — Вчера, около 22.00, вы продали двоим мужчинам в двух бутылках из-под лимонада, укуренных этими газетными купорками, свой самогон. Запомнили вы этих мужчин?

— Чего это я их запомню? — в голос закричала Лазутикова. — Чего они, песня, что ли, или швейная машина «Подольск»?

— Эти двое, что купили у вас самогон, — сказала усталое следствие Лазутиковой, — около полуночи сожгли в топке живого человека, кочегара Волошина. Вы запомнили двоих, кому ночью продали выпивку?

...Нашей милиции, нашей прокуратуре, нашим судам лихо, с завитушкой расписавшись об уголовной ответственности за ложные показания и никакой такой ответственности не опасаясь, с упоением врут по мелким, средним, а часто и крупным делам сотни тысяч людей.

— Да как же, гражданин, — томится следователь прокуратуры, — ведь хищение пяти контейнеров полупальто происходило при вас, как же вы, весовщик товарного двора, ничего не видели?

— А я, — бодро говорит весовщик, — в тот моментчихнул. Во время этого непроизвольного акта, всяк знает, глаза закрываются, а иногда аж прижмуриваются.

— Беда, — говорит следователь. — Контейнеры ведь полчаса грузили. Что же у вас случилось такое затычное чиханье, вроде прыжка с парашютом.

— Особенность организма! — все больше приободряясь, врут очеви-

дец. — Я, знаете ли, сызмальства сериями чихаю. Бывает, что до семидесяти раз. Вот и тогда, на товарном дворе...

Да, нашему следствию и судам, очертя голову и не боясь никакой ответственности, врут. Но не все еще, видимо, в облике призванных к ответу потеряно, и все же есть нравственный порог, за которым лживость рушится и дает место правде.

— Волошина? — посиневшими губами спросила Лазутикова. — Толика сожгли? Запомнила я этих двоих. Они в куртках спортивных из болоньи или навроде того, у одного строчка на куртке вот так, углом, ляпочки белые внахлест. Одного фамилия Жаринов, Петька. Они здешние оба, шатковские.

* * *

Пропойца двадцати семи лет, ранее судимый, женат, двое детей, образование среднее, беспартийный, эпизодически плотник — Евтюхов Сергей Иванович 4 октября 1984 года на работу не вышел и выйти не мог, потому что утром третьего числа, и днем, и вечером, поскольку приближались праздники 7 ноября... Словом, ясно.

Пропойца, двадцати шести лет, несудимый, холост, образование среднее, давно и при всеобщем попустительстве нигде не работает — Жаринов Петр Николаевич к полудню 4 октября был так пьян, что тело его утратило способность сгибаться. Этот отрезок рода человеческого лежал на одной из центральных магистралей райцентра.

— Как свая! — сказал один милиционер из машины спецмедслужбы.

Удивительно не то, что уже к двадцати часам того же вечера вырезатель поставил смертельно пьяного Жаринова на ноги — здесь это умели. Удивительно, что к двадцати часам Жаринова, без всяких ячих, отпустили с миром домой. А поскольку Жаринов уже давно был паразитом и бродягой, то и понятие дома давно отождествлял с любым подручным магазином или забегаловкой. Из вырезателя он напрямик пошел к местному ресторану. А здесь уже обивал пороги незнакомый Жаринову Евтюхов.

Как жуки или рыбы одной породы, среди миллионов других особей безошибочно определяющие только своих, Жаринов и Евтюхов тут же обнюхались, опознались, сроднились.

В шатковский ресторан пускают обычно без цилиндра, смокинга, штиблет и убедительного по толщине бумажника. Но, оглядев друг друга, двое признали, что и по шатковским понятиям в ресторан не вхожи никак.

— Имею на кармане сто семьдесят три копейки, — сказал Жаринов. — Добавляй, сколько там у тебя. Есть тут одна поганка, в любой час продает.

И они пошли к нам уже известной Лазутиковой. А потом встал вопрос: где пить? Время года и среднее образование ориентировали на питье в культурных условиях.

Они заглянули к местному жителю Журавлеву, там одолели одну бутылку. Бродяжная этика подсказывала, что надо распочинать вторую бутылку и ставить перед Журавлевым вопрос о ночлеге. Однако тепла и ночлега им хотелось меньшей ценой, чем разливание на троих.

И ушли Евтюхов с Жариновым. Сказал Евтюхов, что мантулил он раньше на железобетонном комбинате. Там котельная — лучше не придумать. В топках тысяча градусов, да ежели у тебя внутри сорок — ночлега лучшего не придумать. И наливать, делиться ни с кем не надо, поскольку тамошний кочегар Волошин не пьет.

И они вломились в котельную с весёлой песней:

— Вы кочегары, а мы плотники! — И сразу приняли по подстакана. Но обидел их кочегар Волошин. Плюнул в душу.

— Выметайтесь отсюда, — приказал он. — Ты, Евтюхов, сам стал подонком да еще второго притащил.

— Это ты, курицын сын, мне говоришь, жигану? — закипятился Жаринов. — У меня от жиганской жизни восемнадцать и шесть десятых метра шрамов на теле, а ты так меня привечаешь? Как-нибудь поступи с ним для начала, Сережа.

Для начала Евтюхов выплеснул в глаза Волошину самогон из стакана. Да, растопырил руки ослепленный Волошин, но давно он тут работал, знал помещение, вслепую пошел к выходу за милицией.

— А он такой, — надгрызленным пряником показывая на Волошина, сказал Евтюхов. — Ему если в башку втемашится, он исполнит, накличет милицию. Делай его, Евгений! Мочи его!

Тут прыгнул Жаринов на спину кочегара и, шавкой на медведе, повис на нем. Видя, что Жаринов не справляется, подскочил к Волошину Евтюхов. И если, отбиваясь от пропойц, в честные места целил кулаком кочегар, то они-то били не по тем вовсе местам и вскоре оттеснили кочегара от двери, обрушили головой на верстак. А поскольку вот оно где расположено, что делает кочегара не таким, как двое ночных гостей, а трудягой, семьянином и все такое прочее — в голове у него это расположено! — то и били кочегара ногами по голове. Затем через все помещение тело перетасили к топкам и запихнули в крайнюю. Евтюхов бросил вдогон несколько совковых лопат угля. Сказал:

— Для верности. Осколки бутылок собери, харч, прочие улики. Выкинем по дороге.

И они ушли, выкинули улики, а спать отправились в котельную ГПТУ. Они возились у двери, дверь открылась, на улицу высунулось лицо кочегара с небритым, похожим на носок валенка подбородком.

— Нельзя у меня, — робко оглядывая двоих окровавленных, сказал кочегар Крюков. — Не положено!

— Умолкни, — отпихнул Крюкова Жаринов. — Видишь, люди с женами поссорились, негде переночевать.

— Давненько, я думаю, — всматриваясь в двоих, сказал кочегар Крюков, — вы с женами поссорились.

— А вот поговори! — оборвал кочегара Евтюхов. И оба заснули.

* * *

Они не предполагали ареста: почему это могут в нас упереться? Таких, как мы, ночлежничает уйма.

— Но случись, что повяжут нас, — предположил Евтюхов, — повезут в эту самую, четыре «а» из тюремных кроссвордов — каталажка, — так я все возьму на себя, «пойду паровозом». За групповое всегда хуже ответственность.

После ареста он недолго «шел паровозом». Судебно-медицинская экспертиза пришла к категорическому и страшному выводу: смерть кочегара Волошина наступила не от изуверского избития, а «от действия высокой температуры с последующим обугливанием трупа».

Вот тут и был поставлен вопрос ОБ УБИЙСТВЕ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ, что предполагает ВЫСШУЮ МЕРУ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ. И «паровоз» загудел в адрес сообщника совсем по-другому.

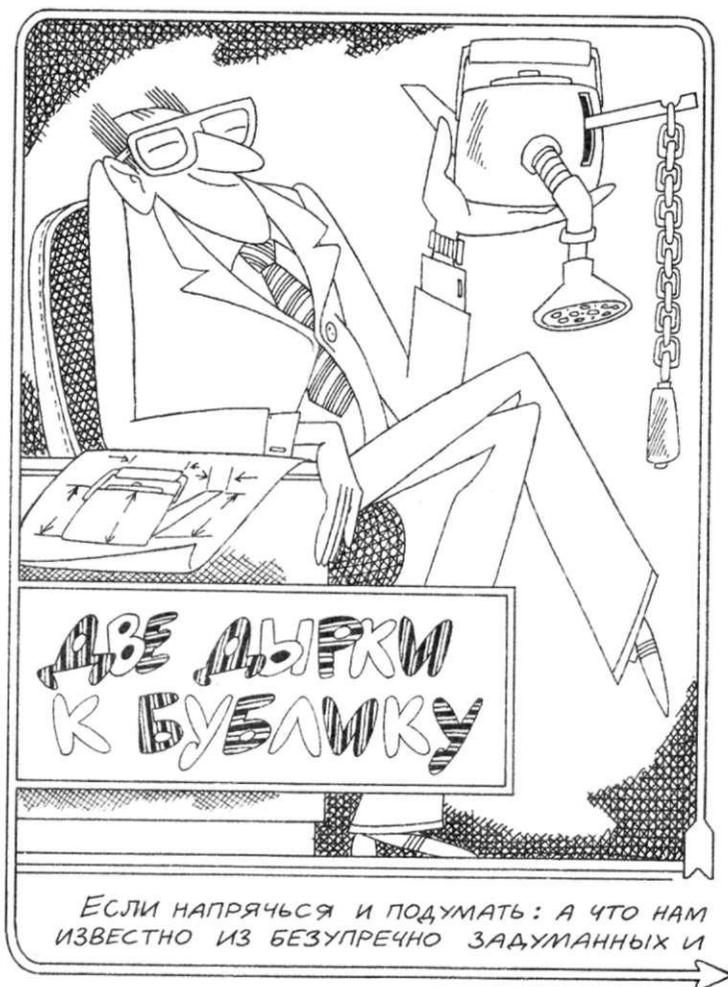
Извиваясь и хрипя, убийцы валили все друг на друга. Да, были в жизни отдельные шероховатости, но он, Евтюхов, с пеленок жил по заветам «Пионерской зорьки», и только этот алкоголик и зверь Жаринов сбил его с панталыку, оплел, понудил на зверство...

Дело слушалось в областном суде, в открытом заседании. Председателем суда была женщина. Народные заседатели — женщины. Прокурор — тоже женщина. И в зале женщины: жена кочегара Волошина, матери убийц. Групповое убийство с особой жестокостью при отягчающих обстоятельствах — в состоянии опьянения, вот что установил суд. Жену кочегара Волошина родные вели под руки к дверям.

Молоденький милиционер, отводя глаза, сказал матерям Евтюхова и Жаринова:

— Надо вам расписаться. Тут и тут.

И в соответствии с подписями матерям убийц выдали в боковой комнатке единственное, что сопровождало и подытожило жизни их сыновей, — две окровавленные куртки.

идеально воплощенных творений разума и рук человеческих? — то, безусловно, сперва на ум придут деньги™. Как купюрами, так и монетами.

Добротно задуманы деньги. Помимо того приятного, что называется в них достоинством и покупательной способностью, в деньги создателями заложены: эстетичность оформления, неупотребимость в виде кровельного материала и для гигиенических нужд, невозможность абсолютной подделки, долговечность против тления, коррозии и истирания, **УДОБСТВО И ПРОСТОТА В ОБРАЩЕНИИ**.

Если бы все, что нас окружает, придумывалось и изготовлялось с тем же тщанием и дальновидностью, как дензнаки,— непреходящее счастье перешло бы в разряд самых обыденных человеческих категорий.

И бывает, распаятся то там, то тут: ну-ка, порушим прежнюю практику, натужимся, создадим идеальные, совершеннейшие творения.

С такой мыслью сели елгавские автомобилестроители и создали микроавтобус «Латвия». Тот самый, который — маршрутное такси. Обеспечили в нем: приемистость, центровку, вентиляцию салона, максимальную неустойчивость водителя, обзорность. Кресла расположили в салоне по периметру, отчего в центре образовалось пространство для багажа. По этой причине машина изнутри стала выглядеть даже больше, чем снаружи.

И вышла «Латвия» на союзные пассажирские линии. И вздохнул пассажир. Однако сначала-то он облегченно вздохнул, но уже очень вскоре — совсем в ином плане. Потому что ответственные люди из управлений грузовых такси стали топтать, терзать и сводить на нет елгавскую идею добротной машины. В самом деле: разве подобает просто так эксплуатировать автомобиль, если у нас есть ПРАВА помудрывать над ним? Опять же в вышестоящих инстанциях о нас сложится выгодное мнение, что мы не голые эксплуатационники, а экспериментаторы, мыслители, дерзновенцы.

Первым делом дерзновенцы отвинтили кресла, стоящие по периметру, и присобачили их к полу на обычный трамвайно-автобусный манер. Удобное грузо-багажное пространство исчезло. Граждане начали тискаться в салоне, так что нередки стали попытки уноса ушей впереди-сидящих людей на задние сиденья (протискиваемыми туда авоськами и спортивными торбами).

— Однако ничего! — подвело итоги эксперименту таксомоторное начальство.— Ездют массы, никто покуда не окоурился. Зато сиденья теперь крепче стоят. Взять москвича — он и то в машине вертляв, а гость столицы — он и подавно при езде шею откручивает на достопримечательности и где что дают, ерзает и расшатывает стенку машины и прикрепленное к стенке сиденье. Теперь — ша!

На беду, автомобиль елгавцев оказался так комплексно хорош, что позволял проводить еще и еще ухудшения.

— Дошло до меня...— вбежал как-то к таксомоторному визирю очередной дерзновенец.— Это разве порядок — шофер маршрутного такси

отвлекается на личное обилечение пассажиров! Так ведь и пятиалтынный может к рукам шофера прилипнуть. Это растлительный момент для водительского состава.

И сразу в воздухе запахло карбидом и ацетиленом. Раздалось бравое шорканье ножовки по стальным трубкам. Донесся визг циркулярной пилы и вонь распиливаемого оргстекла: за спиной водителя приварили вертикально трубки, а к ним укрепили неряшливые листы оргстекла, отделившие водителя от салона. При этом пассажирское сиденье рядом с водителем аннулировали. Правда, оно приносит в день двенадцать рублей прибыли, а если помножить двенадцать на количество маршрутных такси хотя бы в Москве...

И вышло: водитель, оказавшийся в отгороженном микроскопическом пространстве возле мотора, задыхается теперь от жары. Можно, конечно, открывать ветровочки, но это неминуемая простуда. Шум от двигателя в клетушке водителя десятикратно возрос, и водителю, изнашивая нервную систему, приходится десятикратно обострять слух: кто и где заказывает остановку?

В итоге: полнейшие неудобства для пассажиров, изматывающие условия труда для водителя и унижение его достоинства (отгороженный стеклом — поворуй-ка теперь!).

И воплощенная идея комфортабельного автобуса поэтапно сдохла. Колченовость, граждане, это беда одиночки, а колчеумость одиночки — это для всех нас беда.

Основная же беда заключается в том, что принижение до абсурдности постигает как раз те предметы, аппараты и объекты, что призваны украсить жизнь не единиц, а иногда миллионов людей. С некоторыми покусительствами колчеумых на превосходное смириться можно. Ну, выпускает завод в Тольятти класный автомобиль ВАЗ-2106. Ни в чем тут заводу не изменил вкус. Но нельзя, граждане, нельзя стерпеть, чтобы до конца гармоничным было изделие! И встречает кто-то, приляпывая на самых видных местах в современной салоне (на боковинах дверей, на панельке звукового сигнала) ветхозаветный, рюриковских времен орнамент из скрещенных турнепсов и неопознанных флороподобий.

Это дичь, но в конце концов можно махнуть на это рукой.

Но уже всплескивается руками, когда вы покупаете отличный комбинированный аппаратик «Бега» (приемник, сблокированный с часами), ненароком роняете его, после чего встает вопрос о ремонте. Тут опаскуживание, сведение на нет первоначальной здоровой идеи принимает неожиданный и изящный оборот.

— А, с «Вегой» опять припожаловали! — на всесоюзных просторах встречает клиента мастер. — Значит, часишки засбоили? И вы поэтому к нам, в часовую мастерскую? Нет, голуба, поскольку приемник в этой конструкции основное, несите свой аппарат в радиомастерские.

— Но там не ремонтируют часы!

— А нам что до этого!

Точно так же, если изломается приемник, глумливо говорят в радиомастерских:

— Вы этот свой тьяни-толкай (аппарат, счастливо соединивший продукцию двух министерств) несите в часовую мастерскую. У кого печатать — тому и отвечать. А печатать на гарантии — часовщиков.

Так еще одна славная идея дает трещину. Безобразие, профессиональное местничество, ввиду которого бравый завод-изготовитель вынужден слать ремонтеров в наидальние концы страны. И поломать эту вредную практику нельзя, поскольку в должностных инструкциях сказано: такой-то значится часовщиком, такой-то — радиомастером. Ни тому, ни другому должностная инструкция не предписывает быть человеком с широким пониманием профессионального долга и нужд населения. И вообще: «население» — в этом есть какая-то расплывчатость, неустановленность, нечеткость, вроде как в поэтической строке «ночной зефир струит эфир». Где невозможно разобрать, что струит что: или эфир — зефир, или зефир — эфир. Поэтому в населенческих вопросах допустимы значительные вольности, зигзаги и всяческие отщипывания от любого возникшего идеала.

В данном аспекте напоследок доложим крупный и показательный вопрос. В городе Н. наконец-то домучили, сдали под ключ первоклассный и большой жилой дом, в первом этаже которого должен был разместиться громадный магазин «Товары для дома». Но подсчитали — нет, по размерам города Н, по поставкам сюда товаров для дома полупуст будет магазин. И тогда сказал кто-то, ныне неизвестный, но головастый, мыслящий всесоюзно и гражданственно:

— А знаете что? Пусть в этом помещении Аэрофлот оборудует лучшее в азиатской части страны агентство. Ведь старое агентство ужасно. К табличкам «Не курить!», «Не сорить!» там так и просится еще одна табличка — «Не летать!». До двух тысяч крупных финансовых операций в день производится в непригодном помещении. То и дело от духоты — кувырк, пассажир из очереди вывалился в обморок. Бряк — касирша в своей клетушке сковырнулась со стула. Надо нам, конечно, преступить через себя, потому что по всем канонам помещение принадлежит торговле города Н. и **Стройбанк** финансировал строительство как торговое. Но давайте, энцы, в сиюминутной ситуации поступимся магазином в пользу агентства, в пользу в конце концов пассажиров СССР! А Аэрофлот напишет гарантийное письмо обрисполкому на полмиллиона рублей и построит впоследствии магазин.

Благородные произнесли слова и запали всем в душу. Эх, и в самом деле, почему городу Н. не иметь агентство-жемчужину?

Тут передали помещение в руки любимца летающей публики, подвижника и ветерана Аэрофлота В. М. Архипенко: действуй, Виктор Михайлович, профилируй зал под бедолагу-пассажира, пусть отныне ему выпадет счастье взалхлеб!

И воздвиг Архипенко в зале парад наисовременнейших касс, перед окошечками которых пассажир не должен принимать позу кормящейся на воде утки.

— А вот тут,— показывал Архипенко корреспонденту очень центральной газеты,— будут также кассы железных дорог и междугородных автобусов, в таком зале грех не удовлетворить комплексно все транспортные нужды людей. А вот тут...

Словом, сказка и торжество государственного мышления. И заметка в очень центральной газете говорила об этом.

Но, товарищи, разве это переносимо, когда в системе одного министерства возникло, так сказать, идеальное, а у тебя выше сносного ничего не проклеивается? Разве можно не отщипнуть от этого идеального, когда ПРАВА-то на зал все еще наши, торговой сети города Н.?

И в темно-синей и все более развевающейся шинели Архипенко стали выдергивать то в гор , то в облисполком. Знаете, мы тут посоветовались и намозговали так: слишком жирен этот зал для обустройства в нем одного агентства. Поэтому в половине зала будет агентство, а в другой половине — магазин.

— Но,— взывал Архипенко,— это же получится кофе с бензином. Зачем из двух хороших продуктов делать один безнадежный?

— М-да,— убеждаясь наглядностью примера насчет бензина и кофе, говорили отцы гор-и обл.— Ну, идите, охорашивайтесь, открывайте целевое агентство.

И совсем уже наступило преддверие открытия, как вдруг к зеркальному стеклу приплюснулся дамский нос, и входящая в комплект с этим носом рука перстнем грохнула в стекло: немедля открыть!

— Тебе чего, тетка? — спросил электрификатор кассовых кабин и табло. Тетка отпустила электрификатору взгляд, из брюнетов немедля обесцветивший его до блондина, и прошла в зал.

— Угу, угу,— сама с собой судачила тетка и начертала фиолетовым когтем линии по мрамору пола: — Здесь отсекаем... Перегородки i уг и тут. Подсобки оттягать в нашу пользу. А здесь чего планировали, комнату мафии и ребенка? Было ваше, станет наше. Кафе будет тут, ясно? Вот так вот.

Молниеносно Архипенко посетил гор-и обл.

— Точно,— подтвердили ему.— Мы еще раз тут коллективно поколебались и решили: быть в одном зале с агентством уже не магазину, а кафе.

— Но,— взвился заслуженный авиатор,— зачем в агентстве кафе? В двух шагах отсюда давно есть кафе, как его, «Курица — не птица», что ли. Оно полупустует. И ресторан рядом. Так что не губите будущую гордость Н.— агентство! В конце концов о нем уже была заметка в центральной печати!

— Ну и что, что заметка. Опечатываться можно не только буквой

или словом. Есть опечатки в виде даже полного собрания сочинений. А вы — заметка!

— Не понимаю,— бушевал авиатор.— Замыслено и масштабно приведено в исполнение великое дело. Почему необходимо его хоть чем-нибудь, но испоганить, принизить? Вы знаете, как это утлое кафе может превратить в ад крошечный работу агентства?

Художественно поясним гор-и облисполкому это «как». Конфликт может возникнуть уже при перерезании ленточек, коих, как вы понимаете, на входе будет две. Допустим, суконно-бзрашковый заместитель министра гражданской авиации первым вознамерится перерезать свою, но его возьмет и ототрет ведающий торговлей драпово-ондатровый заместитель председателя облисполкома Крутов:

— Нет уж, повольте, уважаемый... Ну и что же, что ваше агентство в финансовом отношении тысячекратно весомей, чем кафе. Не забываяте, что через наше кафе будут проходить в ваше агентство! Прошу также не забывать, что агентство здесь стало возможным опять же по милости торговли. Так что ленточку первыми режем мы!

А потом повар-супник из кафе скажет механизированной судомойке Степаниде и экспедитору по курятине Осипу:

— Это ж подумать, вы видели, каким волком смотрел при открытии авиационный заместитель министра на нашего любимого товарища Крутова, каким коршуном кидался Архипенко на начальника управления торговли Жустрика, сколь обидные слова говорил про рабское мышления и областного местничество! Этого так оставить нельзя. И иди-ка, Стеша,— туалеты агентства оказались теперь на нашей территории — так навесь на туалеты наши замки. И весь генеральный щит их энергоснабжения оказался на нашей площади, так что майнай, Стеша, самую большую ручку рубильника, размыкай ее вниз, обесточивай их, паразитов. У них, вишь, кибернетическая система «Сирена» столько энергии жрет, что у нас пончики не зарумяниваются. И где они написали про «строго запрещено», где они свои билетные миллионы считают — смело туда входи. Мы из них теперича хоть веревки вязать можем.

...Это сочинение автор не осмеливался затевать как идеальное. Но как очень добротное — да. И теперь, по укоренившейся весьма широко повадке не допускать ни под каким видом появления чего-либо классно сработанного, надлежало бы автору (или редакции) подпакостить данный текст введением в него хоть какой-нибудь бессмыслицы.

Но, сделав над собой усилие, завершив сочинение вот какой здоровой нотой: древние римляне были хоть древние, но уже тогда неглупые. Вот как они говорили: «Ради дерева — жертвой травинкой, ради города — жертвой домом».

Серьезная перетасовка кровей и наций произошла с той поры. Судя по деяниям множества людей, во многих течет капелька римской крови. Но со всей определенностью можно сказать (на примере агентства), что до города Н., во всяком случае, легионы римлян не доходили.

СОДЕРЖАНИЕ

Удар, еще удар!	2
Факты — упругая вещь	21
Кочегар Волошин	36
Две дырки к бублику	42

Александр Юрьевич МОРАЛЕВИЧ

УДАР, ЕЩЕ УДАР!

Редактор В. Г. Победоносцев

Технический редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 18.05.87. Подписано к печати 29.06.87.
А 04734. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,23. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75 000.
Изд. № 1513. Заказ № 706. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

